ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ФАНТАСТИКИ

Часы с вариантами

Александр Николаевич Житинский

Александр Житинский. Часы с вариантами

Александр Житинский
Часы с вариантами

Сегодня по календарю 24 июля 1985 года.

Это означает, что ровно через неделю мне снова сдавать экзамены в институт, который я уже однажды кончал, если, конечно, я опять не прыгну вперед или назад.

Я знатный прыгун.

Интересно знать, сколько мне всего лет? По паспорту, который торчит из кармана джинсов с заложенными в нем двенадцатью фотокарточками три на четыре, мне — семнадцать. Но этот возраст, равно как и сегодняшнее календарное число, имеет смысл для всех людей, только не для меня.

Истинное количество прожитых мною лет теперь подсчитать затруднительно. Я слишком много прыгал туда и сюда. Пришлось бы собирать время по кусочкам. Среди них были совсем крохотные, не больше нескольких часов. Впрочем, поначалу я совсем не фиксировал длительность своих прыжков, так что точно уже не сосчитать. Думаю все же, что я прожил в общей сложности лет сто двадцать.

Меня зовут Сергей Мартынцев. Это абсолютно точно. Я всегда оставался Сергеем Мартынцевым, куда бы ни прыгал и как бы далеко ни залетал. Я убедился, что имя — это единственная абсолют-

ная реальность. Все остальное могло меняться: друзья, любимые, недруги, профессии и жизненные вехи. Даже даты рождения и смерти.

Отец сидит в соседней комнате и смотрит себя по телевизору. Он только что вернулся из Бразилии, сейчас на экране он разговаривает с бразильским сборщиком кофе. Мой отец — журналист. Он почти всегда был журналистом, лишь однажды я застал его военным переводчиком. Но об этом лучше не вспоминать.

Мне довелось похоронить отца. Это было уже в двадцать первом веке, незадолго до столетнего юбилея Советской власти. В «Известиях» поместили некролог, где назвали отца «крупным журналистом-международником». Сразу после похорон я прыгнул назад, не мог этого вынести. Первые дни после смерти отца я разговаривал с ним осторожно, точно с привидением. Он даже подумал, что я заболел.

— У тебя смурной вид, — сказал он.

Еще бы! Знал бы он, что три дня назад я стоял с матерью в траурном зале под звуки скорбной музыки… Но говорить ему об этом бессмысленно. Тогда он точно решит, что я заболел.

Между тем мое поведение не имеет ничего общего с болезнью. И психика у меня нормальная,

хотя она-то как раз могла расшататься. Попробуйте поговорить с родным отцом наяву после его смерти или, очутившись в одной комнате с незнакомой женщиной, вдруг узнать, что это ваша жена. Впрочем, об этом после.

Здесь я намерен рассказать о своей жизни, точнее, о своих жизнях, ибо их у меня было довольно много. Дело даже не в том, что они были интересны. Просто мне довелось заскакивать туда, куда вам еще предстоит дойти. Я не утверждаю, что вы непременно туда придете. Все зависит от конкретного пути, а путей, как я убедился, бесчисленное множество. Однако совпадение не исключено.

Эта история началась год назад… Снова я вынужден остановиться, чтобы пояснить, что на самом деле она началась давным-давно, много жизней назад, однако по календарю это произошло в восемьдесят четвертом году. Должен также предупредить, чтобы вы не слишком доверяли словам «на самом деле». Никакого «на самом деле» нет, как вы сможете убедиться.

Одним словом, когда мне впервые исполнилось шестнадцать лет, ко мне пришел дедушка.

Я был в комнате один, заканчивались весенние каникулы; я лежал на тахте в стереонаушниках

и слушал пластинку «Обратная сторона Луны» группы «Пинк Флойд». Она немного устарела, но по-прежнему нравилась мне. Отец был в Японии, мама на работе. Часы показывали половину двенадцатого.

Вероятно, деду открыла Светка. Она тогда ждала ребенка, моего племянника Никиту, о котором позже, и целыми днями сидела дома, плача от страха. Светка на три года старше меня.

Дед вошел неслышно. Впрочем, даже если бы он топал, как слон, я все равно ничего бы не услышал, как раз было громкое соло Ричарда Райта на органе. Дед подошел ко мне и снял наушники с моей головы. Я удивленно вытаращился на деда.

Причин удивляться было несколько. Во-первых, дед приезжал к нам крайне редко. У него были натянутые отношения с отцом, как я понимаю, не оправдавшим его надежд. Журналистика для деда — занятие суетное и малопочтенное. Мой дед был контр-адмиралом в отставке. Он жил один, вернее, после смерти бабушки ему помогала пожилая женщина Антонина Степановна. Дед звал ее экономкой.

Во-вторых, дед явился в форме. Я не видел его в мундире довольно давно, с детства, когда дед еще командовал кораблями и флотилиями. Это

впечатление глубоко врезалось в память, особенно адмиральский золотой кортик, болтавшийся на боку.

Выйдя в отставку, дед надевал мундир только на торжественные собрания, посвященные Дню Победы, где я, естественно, не бывал. Сейчас он был при полном параде и при кортике, необычайно серьезный.

— Здравствуй, Сергей. Поздравляю тебя. С сегодняшнего дня ты — мужчина, — торжественно проговорил он и расцеловал меня. Из наушников на тахте продолжал попискивать «Пинк Флойд».

— Выключи это, — поморщился дед. — Я хочу говорить с тобой.

Я насторожился, ожидая очередного воспитательного разговора, которыми потчевали меня родители перед шестнадцатилетием. «Ты становишься взрослым, пора подумать о будущем…» И прочее в том же духе. Мне это все порядком осточертело.

Дед уселся на тахту рядом со мной и с минуту молчал, положив руку мне на плечо. Я почувствовал, что рука дрожит.

Затем он с усилием отстегнул кортик и положил его на ладонь.

— Вот тебе мой подарок. По Уставу личное ору-

жие остается в семье. Мне скоро уходить, я хочу, чтобы он принадлежал тебе.

— Ну зачем ты так, дед… — вяло возразил я.

— Я знаю, что говорю.

Я принял кортик. Он был прохладен и тяжел. Я нажал на кнопочку у эфеса и вытянул лезвие из ножен. Оно было покрыто тончайшим слоем желтого масла. На рукоятке стояли три буквы: «Р. Д. М.» — Родион Дмитриевич Мартынцев.

— Но это не главное, — сказал дед, поднимаясь с тахты.

Я с интересом следил за ним. Дед был невысок и худ, последние годы он как-то усох, мундир на нем болтался. Седая короткая стрижка, множество морщин на лице, но глаза ясные и живые…

— Встань, Сережа. Сейчас ты обалдеешь, — сказал он и подмигнул мне. Я действительно обалдел. Не думал, что дед способен произносить наши слова. Обычно он был велеречив.

Я послушно встал. Дед был мне по плечо. Он испытующе, с хитрецой взглянул на меня снизу вверх, будто старый пират, открывающий юнге тайну клада, зарытого на далеком острове сорок лет назад.

В сущности, так оно и было. К сожалению, ничего в этом нет смешного, как выяснилось за

прошедшую жизнь.

— Эк ты вымахал, — сказал дед, одновременно с восхищением и неудовольствием.

Он оглянулся на дверь и с воровским видом запустил сухую ладонь во внутренний карман адмиральской тужурки. Когда он вынул руку, в ней был небольшой, круглый, тускло поблескивающий предмет.

Щелкнула крышка, и я увидел циферблат старинных часов с тонкими резными стрелками и делениями по кругу до 24, а не до 12, как это обычно бывает. По левую и правую сторону циферблата располагались окошечки календаря. На календаре стояли число, месяц и год, соответствующие происходящим. Стрелки часов приближались к двенадцати, хотя казалось, что к шести, потому что цифра 12 находилась на месте шестерки обычных часов.

— Нравится? — спросил дед, заглядывая мне в лицо.

Я кивнул, хотя, честно говоря, особого восторга не испытал. Часы как часы. Кортик потряс мое воображение значительно сильнее. Я уже прикидывал, как после каникул понесу его в школу и покажу ребятам.

Вдруг дед убрал вниз ладонь, на которой поко-

ились часы, но они остались висеть в воздухе на том же месте. Я остолбенел.

— Видишь? Они ничего не весят, — удовлетворенно проговорил дед и легонько толкнул часы указательным пальцем. Они плавно поплыли по воздуху.

Такие фокусы я раньше видел только по телевизору, когда показывали репортажи с борта орбитальной станции «Салют» и космонавты демонстрировали состояние невесомости, пуская по воздуху разные предметы. На Земле это выглядело чудом.

— И это не самое главное, — сказал дед, ловя часы и захлопывая крышку. В момент щелчка окружающее пространство как бы дрогнуло, будто от бесшумного взрыва.

Первой моей мыслью было: дед на старости лет увлекся фокусами, стал иллюзионистом-любителем. Вторая мысль была еще хлеще: дед спятил. Его рассказ блестяще это подтвердил.

Дед сказал, что часы волшебные. Слышать это от старого человека в парадной адмиральской тужурке было дико. По словам деда, волшебство часов заключалось в следующем. Во-первых, они всегда шли абсолютно точно, не требуя завода. Во-вторых, если попробовать перевести стрелки

и календарь, для чего сбоку имелись три маленькие головки, а после захлопнуть крышку, то в то же самое мгновенье наступало время, показываемое часами.

— Где? — тупо спросил я.

— Что — где? — рассердился дед.

— Где наступает время?

— В пространстве, — он обвел рукой комнату.

— В каком?

— Ну, во Вселенной, — скромно пояснил дед.

Таким образом, это были часы обратного действия. Не время указывало им, какой год, месяц, день и час должны стоять на циферблате, а они управляли временем, предписывая ему, каким быть.

Дед получил эти часы в наследство от своего отца, моего прадеда. Тот был профессиональным революционером, политкаторжанином, заработал на каторге чахотку и умер в двадцать пятом году. Часы он подарил сыну в день его шестнадцатилетия, за два года до своей смерти.

Дед неторопливо рассказывал, поигрывая часами: то отпускал их — и они плыли в воздухе, по принципу Галилея сохраняя состояние равномерного прямолинейного движения, — то ловил их в ладонь, как муху.

— Почему они ничего не весят? — спросил я, будто это было самым главным.

Вообще говоря, этот факт действительно подтверждал необычность часов, если не был искусной иллюзией. Все остальное нуждалось в проверке. Что, если дед вычитал про часы в какой-нибудь научно-фантастической повести, а теперь меня разыгрывает?

— Я не знаю, — сказал дед. — Я моряк, а не физик. Мне говорили, что время как-то связано с силой тяготения. Вроде бы эти часы являются одним из полюсов гравитационного поля…

— А сколько всего полюсов?

— Не знаю, — отмахнулся дед. — Когда профессиональному военному дают новое оружие, его мало интересует, на каком принципе оно основано. Но он должен досконально знать его возможности: как, где, когда и против кого его следует применять. Понял?

— Какое же это оружие? — возразил я. — Так, игрушка…

— Опасная игрушка, мальчик, — отчеканил дед, глядя на меня почти со злостью. — Ты в этом убедишься. Если, конечно, воспользуешься ею. Если осмелишься воспользоваться.

— Еще как воспользуюсь, — сказал я.

Дед снова открыл крышку часов и взглянул на стрелки. Было без двух двенадцать.

— Запомни эту минуту, малыш, — тихим голосом сказал дед. — Полдень двадцать седьмого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Возьми!

Он протянул мне часы. Я взял их. Ощущение было странное: часы одновременно были легки, поскольку ничего не весили, но массивны, так что приходилось прилагать усилие, чтобы сдвинуть их с места. Часы словно сопротивлялись движению, вели себя как живые.

— Непослушные, правда? — неожиданно улыбнулся дед.

— Значит, если переставить их на год назад, щелкнуть крышкой, то будет… — начал вслух размышлять я.

— То и будет год назад, — нетерпеливо перебил дед.

— Мне снова будет пятнадцать… И я окажусь там, где находился ровно год назад? Так?

— Да! Да! И ты, и я, и все. Понимаешь — все! Весь мир, все люди, вся Вселенная окажется там, где они были год назад. В том же положении и состоянии.

— А те, что умерли за этот год? — вдруг спро-

сил я.

— Они воскреснут, — строго сказал дед.

— Ого! — сказал я, уважительно глядя на часы. — А дальше?

До меня еще по-настоящему не доходило.

— А дальше все будут жить снова тот год, который прожили! — закричал он. — Почему ты такой глупый мальчик?!

— И все повторится? Неинтересно.

— А вот и нет! Нельзя дважды войти в одну и ту же реку! Нельзя! Это ты знаешь? Так говорили древние! — кричал он.

— Почему ты кричишь? — обиделся я.

— Потому что в двадцать третьем году, когда отец подарил мне эти часы, я не знал и половины того, что знаешь ты сегодня. Но я был взрослее, — сказал он огорченно. — Может быть, я рано дарю тебе часы?

— Пожалуйста. Можешь не дарить. Не больно-то хотелось…

— Нет уж. Возьми, милок, — сказал он, отводя мою руку с часами. — Возьми. Подумай, как ими пользоваться. И нужно ли. Подумай.

У него была привычка повторять слова с разной интонацией.

— Я ухожу, — сказал он. — Ухожу. Никто не

должен о них знать. Это может повредить тебе… Потом, когда ты помозгуешь над ними, мы поговорим.

— Постой, я же еще ничего не знаю! — взмолился я.

— Я все сказал. Все самое главное. Переставляешь стрелки и календарь, захлопываешь крышечку и… Да! Вот еще что. Держи их крепко вот здесь, если хочешь помнить, что с тобой было до прыжка, — от ткнул себя в шею, туда, где ямочка под кадыком.

— Прыжка? — переспросил я.

— Ну, скачка. Скачка во времени.

Дед пошел к двери.

— Ты сам-то пользовался ими? — спросил я вслед.

— Один раз. Один раз в жизни. Один раз в жизни я вернулся на месяц назад и прожил его заново… Это было давно.

Он хлопнул дверью.

Что бы вы сделали на моем месте? По-моему, человечество можно разделить на две группы. Одни сразу бы схватили часы и попытались проверить их в действии. Другие бы сначала подумали. Я решил подумать.

Я, как и большинство людей моего возраста,

любил фантастику и зачитывался Бредбери, Стругацкими, Лемом. Однако читая их книги, я никогда по-настоящему не верил в реальность происходящего. Одно дело фантастика, а другое — реальная действительность.

Я трезво смотрел на мир в свои шестнадцать лет и знал, что левитация, пришельцы и машины времени существуют лишь в воображении фантастов.

И вот я оказался в фантастической ситуации. Причем от моего выбора зависело — использовать ее или нет. Я мог просто-напросто запихать часы подальше, забыть о них и жить себе как жил.

Правда, это было бы еще более фантастично. Иметь в руках такую штуку и не воспользоваться ею!

Я осторожно защелкнул крышку часов, опять ощутив легкое сотрясение пространства, и поволок их к письменному столу. Они сопротивлялись, как рыба на крючке. Судя по всему, их инертная масса была довольно велика.

Я засунул их в ящик стола, закрыл его и сел на стол, будто боясь, что часы могут взлететь вместе со столом. Они вели себя тихо. Дальше я принялся рассуждать.

Дед мой — человек экстравагантный, но склонности к мистификации у него ранее не замечалось. Наоборот, он был правдив и точен во всем, даже пунктуален. Да и зачем ему врать про часы?

Меня так и подмывало проверить их, но я боялся. Нужно было рассчитать все последствия. А как их рассчитать?

Допустим, что это не обман. Если обман, то и говорить не о чем. Допустим, правда. Следовательно, если я сейчас переставлю календарь хотя бы на вчерашнее число, то оно и наступит? Где я вчера был в полдень?

Вчера в полдень я стоял в очереди за пластинкой Челентано в фирменном магазине «Мелодия» на Большом проспекте Петроградской стороны. Я поехал туда к открытию и простоял в очереди два с лишним часа. Со мною был Толик.

Следовательно, если я сейчас хлопну крышкой, то в мгновение ока перенесусь на Большой проспект. И одет уже буду не в домашние тапочки и поношенный трикотажный костюм, а в джинсы, кроссовки и теплую финскую куртку. И Толик тоже окажется там, где бы он сейчас ни был.

Мысль оторвать Толика от его занятий показалась мне заманчивой, тем более что я догадывал-

ся, где и с кем он сейчас проводит время.

Да что Толик! Весь мир, все люди, вся Вселенная, как говорил дед, тоже перемахнут во вчерашний день. Те, кто родился за эти сутки, — а таких уйма на Земле, — исчезнут? А те, кто умер — оживут?! Не слишком ли жирно, как говорит моя мама? Чушь. Глухня.

И это все из-за каких-то замшелых часиков, которые тикают сейчас в ящике моего стола? Нет, я не такой осел. Сейчас возьму и проверю, решил я.

Но я продолжал прочно сидеть ни столе и даже ухватился за крышку руками. Было какое-то суеверное чувство, будто кошка перебежала дорогу. Душевные сомнения, так бы я сказал.

А имею ли я право? Может быть, сейчас у кого-нибудь счастье? Вот, например, Толик. Это мне делать нечего, а у него ответственный день. Собственно, чего я прицепился к Толику? У других дела еще важнее. Производственный план, квартал кончается, а я одним махом уничтожу суточную продукцию страны? За это по головке не погладят. Да и вообще нечестно.

Могу и не на сутки. Могу на месяц, на год! На сколько угодно. На сто лет назад. Интересно, есть ли ограничение по годам в этой машинке? Не

вечная же она?

«Стоп! — сказал я себе. — Больше чем на шестнадцать лет назад мне прыгнуть нельзя. Меня еще не будет. Я еще не рожусь, а также не родюсь. Или не рождусь? Черт, у меня всегда с русским были нелады. Короче говоря, туда нельзя».

Таким образом, я выяснил одну границу. Мне можно было гулять во времени, начиная с марта месяца одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, когда я родился.

Обидное ограничение. Значит, к рыцарям-крестоносцам я уже не попаду. Могу, конечно, нажать крышку, пускай история начнется сначала, но мне-то не посмотреть.

Да и в шестьдесят восьмой мне не хотелось. Попаду опять в ясли с этими проклятыми часами. Мама наверняка их отберет…

Еще начнет их крутить и отправит человечество куда-нибудь к черту на куличики. Куда-нибудь к египетским фараонам.

«Стоп! — опять сказал я себе. — Почему я решил, что часы останутся при мне? Я их получил от деда сегодня. В яслях у меня не было никаких часов. Они только что появились. Следовательно, если я хочу прыгнуть в прошлое, оставив при себе часы, я не должен переходить границы полудня

сегодняшнего дня».

Вот почему дед просил меня запомнить эту минуту! Конечно, можно прожить детство сначала и дождаться, когда дед снова мне их подарит. Но это же сколько ждать!

А как быть с памятью? Буду ли я помнить, что было со мной до скачка? Дед сказал — буду, если держать часы в момент переключения вот тут, у шеи. А все остальное человечество? Вопросов было выше головы.

Была не была! Я понял, что рассчитать все не удастся, и выдернул ящик письменного стола. Часы плавали там, как рыбка в аквариуме. Я схватил их и открыл крышку. Чтобы все-таки обезопасить себя от возможных неожиданностей, я решил вернуться во времени немного назад, причем в такой момент, про который я точно помнил — где, как и с кем я находился. Такой момент долго искать не пришлось. Я вспомнил, что десять дней назад перед последними тремя уроками мы стояли в коридоре и гадали, какие темы принесет Анна Ильинична на четвертное сочинение по литературе.

Я поставил нужное число и время — без пяти двенадцать, — приложил часы к ямочке на шее и, не раздумывая, обеими руками резко надавил

на крышку.

Ощущение было незабываемым.

Все продолжалось доли секунды, однако я успел зафиксировать начальную фазу скачка, пока меня не смыло пространством прошедшего времени.

Одновременно со щелчком произошло уже знакомое мне легкое содрогание, и тут же вокруг часов стала быстро разрастаться поверхность чечевичной формы, будто от них отделялась оболочка. Внутри этой поверхности я успел заметить зеленое сукно письменного стола, на котором покоились часы, рядом — угол чернильного бронзового прибора, будто вдвигавшегося внутрь поверхности ниоткуда, и дедовский мундштук. Пальцы мои и часть груди у шеи уже были смыты распухавшей чечевицей, через миг исчез подбородок, нос, в то время как внутри поверхности продолжал возникать кусок письменного стола в дедовском кабинете — он торчал из моего тела, съедая его с огромной быстротою раздвигавшейся чечевичной поверхностью. Еще мгновенье — и поверхность достигла глаз. Я перестал видеть, последовало несколько сотых долей секунды полной темноты, и вдруг я оказался в школьном коридоре среди своих товарищей, возникнув,

как и они, на границе раздела двух пространств, раздвигающейся с гигантской скоростью.

— …инична даст Наташу Ростову. Вот увидите, — сказал Толик.

— И князя Андрея, — авторитетно добавил Макс.

— А я к Пьеру готовилась. Хоть бы Пьер был! — заволновалась Марина.

«Все точно, — отметил я про себя. — Эти реплики имели место». Я прикрыл веки, сжал пальцы, как бы концентрируя мыслительную энергию, и с расстановкой произнес:

— Значит, так. Темы будут такие: «Образы Кутузова и Наполеона как отражение исторических взглядов Толстого», «Философия Платона Каратаева и ее связь с толстовством» и «Русский солдат в изображении Толстого».

Меня дружно осмеяли. Никто не напомнил мне, что в первый раз я тоже голосовал за князя Андрея.

Через пять минут в класс вошла Анна Ильинична и написала на доске названные мною темы. Слово в слово. Все онемели и дружно повернулись ко мне.

— Откуда ты знал? — прошептал Макс.

— Интуиция, — пожал плечами я.

— Ну ты логопед! — произнес он свою любимую присказку.

Анна Ильинична, как она потом объяснила, решила проверить самостоятельность нашего мышления, почему и залепила такие зверские темы. Конечно, никто не был готов, кроме меня, потому что я прекрасно помнил разбор сочинений, устроенных ею два дня спустя.

«Заодно и четвертную отметочку исправлю!» — подумал я, принимаясь строчить про Кутузова и Наполеона.

В первый раз я писал о русском солдате и получил трояк за содержание и четыре — за грамматику.

Через два дня я узнал, что получил «отлично» за содержание и ту же четверку за грамотность. В четверти вышла пятерка. Остальные имели те же оценки, что в первый раз.

За десять дней, предшествовавших моему второму шестнадцатилетию, я заслужил репутацию прорицателя. Ситуации повторялись одна за одной, и мне не стоило никакого труда предсказывать их.

— Вот смотрите, — говорил я в кино, как всегда прикрыв глаза и сжав пальцы в кулаки, — сейчас войдет рыжий щербатый мужик на костыле.

Через минуту в фойе входил рыжий щербатый мужик на костыле.

— Завтра химичка спросит тебя, тебя и тебя, — указывал я пальцем. — Готовьтесь.

На следующий день их спрашивали, они получали пятерки, изумленно благодарили.

Таким образом мне удалось повысить четвертные оценки не только себе, но и нескольким своим товарищам. За мной ходил хвост. Канючили, не переставая:

— Мартын, а что у меня будет в четверти по биологии?

— Серега, «Зенит» завтра выиграет?

— Проиграет ноль-один, — отвечал я.

В последний день четверти ошеломленные одноклассники потащили меня к нашей воспитательнице Ксении Ивановне. У нас с нею доверительные отношения.

— Ксения Ивановна, Мартынцев у нас пророк! — объявил Макс.

— Кто? — испугалась она.

— Прорицатель. Предсказывает будущее!

— Как же он это делает?

— Интуицией, — сказал Толик.

— Ах вот как? Тогда, Сережа, предскажи, пожалуйста, когда мне позвонит моя Катя. Она уехала

с ансамблем в Таллинн, обещала позвонить. Я должна быть дома.

Тут я влип. Дело в том, что этого разговора в предыдущий раз, естественно, не было; я понятия не имел о Кате и ее гастролях в Таллинне. Тем более не догадывался, когда ей вздумается позвонить своей маме.

— В семь вечера, — наобум брякнул я.

И конечно, ошибся. Катя звонила в пять, когда Ксении Ивановны не было дома, а потом в одиннадцать вечера. Об этом узнал Макс, специально позвонивший ей на следующий день, чтобы узнать результат эксперимента. Репутация несколько пошатнулась.

Начались каникулы. Я виделся преимущественно с друзьями — Максом и Толиком. Жизнь моя, в общем, текла по тому же руслу, что в первый раз, но с небольшими отклонениями. Иногда я нарочно их устраивал. Помня, что в субботу ходил на дискотеку в ДК связи, на этот раз не пошел. Ничего не изменилось.

Я напряженно ждал дня рождения. Я снова хотел стать обладателем часов. За три дня позвонил деду, поинтересовался здоровьем.

— Тронут, — насмешливо сказал дед. — С чего вдруг такая внимательность?

Накануне дня рождения я слегка поправил свое реноме пророка, точно предсказав пластинку Челентано, которую мы с Толиком и купили в магазине «Мелодия».

Утром двадцать седьмого марта, выслушав поздравления мамы и Светки и получив от них в подарок ту же фирменную запечатанную японскую кассету, я стал ждать деда. На этот раз оделся получше, прибрался в комнате.

В половине двенадцатого дед не пришел. Не явился он и в двенадцать. Его не было в час, в три, в пять. Я извелся. Хотелось позвонить ему и напомнить. Очень мило получится! Так, мол, и так, дедушка, ты мне часики забыл подарить. Где они? Дед позвонил в шесть часов.

— Поздравляю тебя, мой мальчик, — сказал он слабым голосом. — Ты не мог бы зайти ко мне? Я приготовил тебе подарок.

Я помчался к нему сломя голову.

Я люблю бывать у деда. У него много старых вещей, старинная тяжелая мебель, маленькая картина Айвазовского. Все это испокон веку хранилось в семье, а не куплено в комиссионном, как у Толика. Его отец, директор овощебазы, года два назад свез на дачу всю новую мебель и стал покупать старинную. Толик рассказывал, что

сейчас он гоняется за довоенным репродуктором — такая черная бумажная тарелка. Готов заплатить за нее сто рублей.

У деда есть этот репродуктор. Он слушал из него речь Молотова в первый день войны.

Но особенно мне нравится фонола. Это такой инструмент начала века, по виду похож на маленькое пианино. У нее есть клавиатура и несколько ножных педалей. Играть на фоноле может каждый, точнее, она играет сама, а ты только изображаешь игру, нажимая пальцами на клавиши. В фонолу заправляются специальные ноты — листы с дырочками, а ножные педали регулируют громкость и быстроту воспроизведения. У деда целая кипа нот — Бах, Бетховен, Шопен. Я люблю играть «Элизе» Бетховена. Жаль, что нет ничего современней: неплохо было бы сыграть партию Джона Лорда из «Дип Пепл», но и Бетховен сойдет.

Я хотел бы стать музыкантом в знаменитой команде. Но я не умею играть, только тренькаю слегка на гитаре. Фонола для меня самый подходящий инструмент.

Дед выглядел больным. Он был в домашнем вельветовом потертом костюме, нечто вроде пижамы. Вообще все было не так торжественно,

как в прошлый раз.

Он опять объяснил мне про часы. Они лежали на письменном столе рядышком с чернильным прибором, придавленные канцелярской скрепкой, чтобы не взлетели. Прямо над ними на стене висел золотой адмиральский кортик.

— Ой, как болят сегодня ноги! — пожаловался дед.

Я вдруг подумал, что деду ничего не стоит воспользоваться часами и вернуться в те времена, когда у него не болели ноги, когда он стоял на мостике военного крейсера в адмиральской форме с золотым кортиком на боку. Почему он этого не делает? Зачем дарит часы мне?

— Ты все понял? — спросил он. — Не забывай прикладывать их сюда, — он указал на шею.

— Я знаю, — кивнул я.

— Откуда?

— Ты мне уже дарил, — сознался я.

Дед с минуту смотрел на меня. Затем печально покачал головой.

— Значит, ты уже попробовал?.. В таком случае мне говорить больше не о чем. Упражняйся дальше. Только не заставляй меня дарить их тебе до бесконечности. Пожалей старика. Отвертеться тебе не удастся. Я решил подарить часы тебе еще

до твоего рождения.

Мне показалось, что он огорчен.

— Ступай, Сережа, — сказал дед.

Я с тоской посмотрел на кортик. Дед явно не собирался сегодня дарить его мне.

«Вот и попробовал! — думал я, возвращаясь. — Остался без кортика. Но зато часики при мне!» Тогда я еще не знал, что за все свои прыжки надо платить.

Из первого опыта я извлек несколько важных следствий. Следствие первое: все люди, возвращенные в прошлое силою часов, проживают его повторно как впервые, не помня о том, что оно уже однажды было. Все, кроме меня. Даже дед, многолетний обладатель часов, не заметил, что я заставил его дважды прожить прошедшие десять дней.

Следствие второе: прошлое не повторяется в точности, с фатальной неизбежностью. Иными словами, время не обладает свойством детерминированности, если пользоваться точными терминами. Это и понятно — я вношу в него возмущение своей памятью. Проживая прошлое повторно, я могу его корректировать, то есть влиять на ход времени. Значит, можно исправлять ошибки.

Эта мысль мне понравилась. Можно не бояться, жить начерно, а потом, узнав результат, переписывать жизнь набело.

Правда, может измениться и не только то, что зависит от меня. Дед ничего не знал о моем прыжке, однако не подарил мне кортик, не пришел ко мне, а пригласил, то есть сделал не совсем то, что в первый раз. Значит, на общий закономерный ход времени накладываются случайные флуктуации.

Я почувствовал себя исследователем Времени. Мне нравилось применять к нему понятия, почерпнутые из курса физики.

Следствие третье: природа времени совсем не та, что представлялась мне раньше. С этим еще предстояло разбираться. Я смутно догадывался, что мне предстоит изменить взгляды на причинность.

Но пока меня занимали конкретные вопросы: что делать с часами дальше? Я чувствовал себя «как дурак с писаной торбой». Так любит выражаться моя мама.

Это сейчас, исходивши Время вдоль и поперек, я мыслю философскими и физическими категориями. Тогда в голове был полный туман и неуемная жажда извлечь из часов практические выгоды.

Для начала я решил накопить небольшой капитал времени, куда можно было бы возвращаться, не рискуя потерять часы, то есть не заставляя деда дарить их снова.

Через несколько дней, прожитых как на иголках, я начал легкие упражнения с часами, прыгая исключительно назад. Я стремился растягивать удовольствия.

Например, когда мама приносила домой что-нибудь вкусненькое: орешки, торт или купленные по случаю бананы, — я съедал свою долю и тут же прыгал назад минуток на пятнадцать, чтобы съесть лакомство снова.

Банку сока манго я выпил пять раз подряд, и хотя аппетит остался прежним, в результате возникло отвращение к соку манго, чисто психологическое. Также не приносили желаемого удовлетворения повторные прослушивания хороших записей у знакомых и просмотр детективов по телевизору. Насыщение наступало быстро.

Это была стрельба из пушки по воробьям. Я быстро понял, что мелкие цели ведут к мелким результатам. Необходимо было выработать жизненный план, сообразуясь с наличием часов.

Но я все откладывал разработку жизненного плана. Пока меня занимали фокусы. Особенно

нравилось разыгрывать Светку. Ее муж Петечка, с которым она раньше училась в школе, служил в армии и время от времени звонил ей из Шауляя. Услышав очередной звонок Петечки, я засекал время, потом отпрыгивал назад минуток на пять, шел к сестре и спрашивал:

— Хочешь, сейчас Петька позвонит?

— Ой, конечно!

— Пожалуйста! — я широким жестом указывал на телефон, и тот начинал звонить.

После двух таких импровизаций Светка стала приставать, чтобы я снова организовал звонок. Это было не в моих силах.

— Нет настроения, — говорил я. — Понимаешь, на это затрачивается психическая энергия…

— Серенький, ну пожалуйста!

— Попробую. На днях… — обещал я.

Наконец он позвонил. Светка пришла после разговора надутая:

— Видишь, он сам позвонил. Без твоей помощи.

«Посмотрим, что ты скажешь через пять минут!» — думал я, нащупывая часы в кармане.

Через пять минут, совершив прыжок и разыграв спектакль предсказания звонка, я удостаивался восторженного поцелуя сестры.

Скоро я стал замечать, что предсказания приносят мне все меньше удовольствия. Напротив, стало явственно вырисовываться чувство определенного неудобства, я бы даже сказал — стыда. Наблюдая, как простодушно изумляются или радуются мои друзья и близкие при повторе жизненного момента, как они волнуются, я чувствовал себя подлецом. Я знал результат заранее. Все равно что смотреть запись футбола по телевизору, зная счет, когда рядом искренне волнуется товарищ, не знающий этого счета.

Я решил прорицать только в случаях крайней необходимости, когда есть возможность реально помочь людям.

Такой случай представился.

Макс в воскресенье утром поехал с отцом на подледный лов. Была середина апреля. По радио предупреждали, что выход на лед опасен.

В понедельник, придя в школу, Макс сообщил, что на его глазах оторвало льдину с пятью рыбаками, среди которых был друг отца. Льдину унесло в залив. Рыбаков искали вертолеты, но не нашли. Вероятно, все утонули.

После уроков я отправился домой и перевел часы на два дня назад, чтобы сообщить Максу о возможном несчастье.

— Туда, куда вы собираетесь, ехать нельзя. Может оторвать льдину, — сказал я.

— Ты точно знаешь? — обеспокоенно спросил Макс.

— Точно.

Моя репутация прорицателя была настолько велика, что он не осмелился спорить.

— А куда мы едем? — спросил он.

— Как куда? На рыбалку.

— В какое место? Мы с отцом еще не знаем. За нами должны заехать.

«Вот тебе и раз! — подумал я. — Я же забыл спросить у него, где они были».

— Никуда нельзя. Сидите дома, — сказал я. — И другим скажите.

— Да это и по радио говорят. Все равно все едут… — засомневался Макс.

— Я тебе говорю — пятеро утонут! — разозлился я.

— И мы с отцом? — поинтересовался он.

— Вы — нет, — неохотно признался я.

— Тогда какого черта! Мы едем.

— Слушай, ты! Сиди дома, говорят! И особенно посоветуй сидеть дома приятелю отца! Он, считай, уже труп! — заорал я, не зная, как его убедить.

Макс испугался, обещал поговорить с отцом, хотя сомневался в том, что тот поверит моим предсказаниям.

Мы вышли из школы.

— Слушай, а может, обойдется? — с надеждой спросил Макс.

— Пятеро утопленников. Я сказал, — прохрипел я, как Жеглов в кинофильме «Место встречи изменить нельзя».

Внезапно я заметил на улице скопление народа. Стояла милицейская машина, рядом грузовик. Отчаянно визжа, к месту происшествия летел рафик «скорой помощи». Мы с Максом поспешили туда.

Когда мы подбежали, в открытый рафик вдвигали носилки. На них лежала девочка. Ее только что сбил грузовик.

— Видишь! А ты не веришь, — сказал я Максу.

— Так это же… — опешил он.

Я вернулся домой злой. Делаешь людям добро, а они не хотят верить! Но что-то еще сидело в душе. Какая-то зловещая догадка.

И вдруг меня осенило. Девочка! В прошлую субботу, до прыжка, мы с Максом не видели никакого уличного происшествия. Правда, мы с ним и о рыбалке не разговаривали. Тогда мы

просто собрали портфели и пошли домой. Может быть, девочку сбило позже? Вряд ли… Если бы возле школы случилось такое, нам бы наверняка сообщили об этом в понедельник, чтобы еще раз напомнить о необходимости соблюдать правила движения. Выходило, что это я убил девочку своим возвращением назад. Рыбаков спас или не спас — еще неизвестно, а девочку уже угробил. Вот она, непредвиденная флуктуация хода времени…

Я схватил часы и опять полетел назад, в школу. Во времени, разумеется. На этот раз я не стал предупреждать Макса, а сразу повлек его за собою на улицу.

— Куда ты летишь? — недоумевал он, едва поспевая за мною.

— Нужно предотвратить несчастье!

Мы прибежали к тому месту и проторчали там битый час, кидаясь на всех мало-мальски похожих девочек, дабы предотвратить беду. При этом едва не угодили в милицию. Происшествия не случилось, однако я не уверен, что благодаря нам. Неизвестно, проходила ли мимо та девочка. Неизвестно, проезжал ли тот грузовик, ибо номера я не запомнил. Может быть, в этом повторе времени девочка пошла по другой улице? Откуда

я знаю!

«Да, это тебе не повторение гола по телевизору, — подумал я. — Тут все тоньше».

Макс негодовал.

— Может, ты скажешь, наконец, чего мы здесь мечемся?! Чего ты бросаешься на третьеклассниц?!

— Мы спасли человека, — сказал я ему, вытирая пот. — Теперь спасем еще пятерых.

— Ну ты логопед… — протянул он.

И я начал снова рассказывать про льдину, убеждать. На этот раз Макс практически мне не поверил, но обещал все же сказать отцу об опасностях подледного лова в апреле. Настроение у меня было испорчено на два дня.

В повторный понедельник Макс, сияя, рассказал, что они все же ездили на Финский залив, никого не оторвало, никто и не думал тонуть.

— Вот так, прорицатель! — сказал он язвительно.

Этот случай заставил меня крепко подумать о своих возможностях. Не переоцениваю ли я их? Заманчивая перспектива стать благодетелем человечества, исправлять роковые случайности на поверку оборачивалась томительной беготней по времени, этаким мельтешением; причем

когда я довел этот вариант до логического конца, то получилось, что я вообще не смогу двигаться дальше, буду вечно торчать, а вернее, дрожать возле какого-то момента времени, хотя бы в ту же прошедшую субботу.

В самом деле, на Земле ежедневно происходит масса роковых случайностей и катаклизмов, печальных последствий которых можно было бы избежать, если бы знать о них заранее. В ту же субботу, то есть уже в повторную субботу, сидя у телевизора и размышляя о своей миссии в истории, я узнал из программы «Время» о землетрясении в Перу. Погибло несколько тысяч человек.

По идее мне нужно было опять прыгать назад и посылать срочную телеграмму в Перу, или в ООН, или не знаю куда с предупреждением об опасности. Даже если предположить, что мне сразу и безоговорочно поверят, что тоже представлялось сомнительным, я не мог гарантировать эффективности своего шага. В тот повторный отрезок времени, когда в Перу могли спать спокойно, убежав подальше от эпицентра, на Земле случились бы другие роковые события, которых в первый раз не произошло. Тут полная аналогия с девочкой, попавшей под машину. Выходило,

что я одной рукой спасал, а другой убивал. При этом спасал я погибших случайно, по воле небес, как говорится, а те, кто умирал при повторе событий, были исключительно на моей совести. Ведь они уже благополучно проскочили данный отрезок времени и лишь благодаря тому, что я заставил их жить вторично, попали в страшную переделку.

Я футбольный болельщик, хотя и не принадлежу к «фанатам», заполняющим тридцать третий сектор стадиона имени Кирова. Так вот, рассматриваемую ситуацию можно сравнить с повторным пенальти, когда вратарь взял мяч, а судья просит перебить. Конечно, при повторе мяч влетает в сетку. Мне всегда обидно за вратаря, я ему сочувствую.

Мог ли я по своей воле уподобить тысячи людей на Земле этому вратарю, уже взявшему мяч, но проигравшему при повторе?

Мне вспомнились два крылатых изречения, как нельзя лучше подходящие к моим выкладкам. «Благими намерениями вымощена дорога в ад» и другое, попроще: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Это цинизм, согласен. Ведь речь идет о человеческих жизнях. Но это честный цинизм.

Я решил не взваливать на себя обязанности врача-реаниматора «скорой помощи», тем более что моя «скорая помощь» мчалась к больному так неосторожно, что по пути наносила увечья здоровым.

Кроме того, в одиночку всюду не поспеешь. Мои альтруистические порывы на деле выглядели бы так: предупредил кого-то, спас, узнал о новом несчастье, прыгнул назад, предупредил, узнал, прыгнул, предупредил, узнал… И так до бесконечности.

«Прыг-скок, прыг-скок — обвалился потолок», как поется в одной милой песенке.

Мне страшно было подумать только об одном: что же будет, если беда случится с близким человеком? Однако проще решить, чем сделать.

Первые недели обладания часами, изрядно растянувшиеся для меня из-за бесконечных повторов, уже создали мне непререкаемый авторитет человека, предсказывающего будущее.

Странно, правда? Я знал только прошлое, а выходило, что угадывал будущее.

Ко мне беспрестанно обращались за пророчествами. Сначала мои одноклассники, потом их родители, потом друзья родителей… Популярность росла, как снежный ком. Я стал домашним

пророком. Убедившись, что мои предсказания точны, ко мне валом повалили люди, беспокоящиеся о своем завтрашнем дне.

Людей чрезвычайно интересует будущее. Даже такой пустячок, как прогноз погоды на завтра, заставляет многих досматривать программу «Время» до конца. Несмотря на строгую научность синоптических прогнозов, это все равно выглядит маленьким чудом: вчера сказали, что сегодня пойдет дождь, и он в действительности пошел.

Я стал синоптиком времени, если можно так выразиться. Мой метод был уныл и прост: желающий знать прогноз сначала получал мое уклончивое обещание помочь. Затем я ждал вместе с ним — что будет, отпрыгивал в исходную точку и сообщал результат. Свалится ему на голову кирпич или нет, какое место завоюет он на соревнованиях по пинг-понгу и любит ли его Маша.

Я брался только за краткосрочные прогнозы, потому что долгосрочных замучаешься ждать. День-два, не более.

Очень быстро начала раздражать мелочность запросов от будущего. Помню, позвонила одна дама, дальняя родственница знакомых Толикиного

отца. Ее страшно интересовал вопрос: можно ли ей надеть сегодня в театр новое французское платье?

— Надевайте, в чем дело, — сказал я.

— Сереженька, вы еще молоды, вы не совсем понимаете… Платье очень оригинального покроя, но не пошитое на заказ, а купленное в магазине. Если в театре будет еще хотя бы одна женщина в таком же платье — это будет для меня удар!

— Смело надевайте, — посоветовал я.

В полночь она снова позвонила со слезами и угрозами. Оказывается, она наткнулась в театре на свое платье. Премьера была испорчена к чертям собачьим.

Я тут же возвратил время к нашему первому разговору, дождался ее звонка и отчеканил:

— Ни в коем случае не следует надевать это платье. Там будет другая мымра в таком же.

На следующий день она прислала мне через Толика коробку конфет.

Я завел специальную записную книжечку, где регистрировал точное время заказа, чтобы не терять ни минуты при возвращении. Теперь я прыгал точно к разговору с заказчиком, прямо к своей прорицающей фразе. И все равно эти скачки утомляли. Создавалось впечатление, что

я не живу, а топчусь на одном месте. Я понял, что совершил ошибку, став пророком.

Мои родные тоже оказались втянутыми в эту историю. Только не папа. В погоне за международными событиями он все время колесит по земному шару и не всегда успевает следить за внутренними делами.

Так полгода назад он проморгал Светкино замужество, находясь в республике Мозамбик. Светка с Петечкой закончили школу и поступили в институт вместе. В принципе мы догадывались, что они когда-нибудь поженятся, не предполагали только, что это произойдет так скоро. В начале второго курса выяснилось, что им необходимо срочно вступить в брак. Я сначала не понял причины такой спешки, но потом догадался, что у Светки будет ребенок. Папа слал тревожные телеграммы из Мозамбика, пытаясь понять, что у нас происходит. Наконец мама сообщила ему о свадьбе, и он прислал оттуда самолетом посылку каких-то плодов, названия которых никто не знал. Плоды мы съели.

Вот и теперь, отправившись в Японию, он упустил важную веху в моей биографии. Я понимаю, безработица в Японии много важнее, но и собственный сын нуждается во внимании. Пока я

больше видел папу по телевизору в рядах демонстрантов с микрофоном в руках.

Впрочем, я не слишком огорчался. Папа с его деловыми качествами наверняка потребовал бы от меня предсказания международных событий, а я в этом деле не очень силен.

В глазах Светки я вырос до потолка. Раньше она относилась ко мне с легким пренебрежением, считая себя много старше. Особенно заважничала, когда вышла замуж и забеременела. То есть наоборот. Хотя «иметь детей кому ума недоставало». Я ведь классику помню. Петечка это подтвердил, завалив после свадьбы зимнюю сессию и отправившись рядовым в город Шауляй в Литве.

После предсказаний его звонков сестра стала подлизываться ко мне. Ей не терпелось узнать — кто у нее будет: мальчик или девочка?

— А кого тебе хочется? — спрашивал я.

— Девочку.

— Мальчика, значит, будешь любить меньше?

— Да ты что?! Дурак!

— Тогда какая разница? — философски спрашивал я.

Ждать, когда она родит, а потом вернуться назад и сообщить ей результат, было бессмыс-

ленным расточительством времени. Поэтому я уклонился от ответа.

Что касается мамы, то с ней сложнее. Она сразу почуяла неладное, лишь только у меня появились часы. А когда посыпались заказы по телефону, мама проявила характер.

Я завидую ее характеру. Кремень. Иногда мне кажется, что дедушка — ее отец, а не моего папы. У обоих есть — как бы это выразиться? — внутренние принципы, что ли. Мама, например, запрещает отцу привозить ей тряпки из заграницы. Он раньше пытался, она отдавала их подругам. Подчеркиваю: не продавала, а отдавала даром. Дарила. Она не навязывает нам своих взглядов. Мы-то со Светкой всегда ждем, что привезет папочка.

У мамы колоссальная интуиция. Иногда мне кажется, что она — ясновидящая. Она всегда угадывает, когда папу покажут по телевизору с репортажем. Я не совсем понимаю — как она к нему относится. Вообще, мама — человек скрытный.

Так вот, когда моя популярность предсказателя стала сравнима со славою библейских пророков, мама не выдержала.

— Сережа, может быть, ты объяснишь мне, что

происходит?

— Ничего особенного. Я нашел свое призвание. Буду пророчествовать, — беспечно отвечал я, но сам насторожился.

— Дело не в этом. С нами последнее время происходит что-то странное. Я все время ловлю себя на том, что все повторяется. Понимаешь? Разговариваю с человеком, а кажется, это уже было. Меня не покидает ощущение, что это связано с тобой.

— Да ты что! При чем тут я?!

— Не знаю. Я и прошу объяснить.

— Я не могу, — потупился я.

— Почему?

— Я обещал не говорить.

— Хорошо, — спокойно сказала она. — Это твое дело. Обещал молчать — молчи. Но объясни тогда, как долго ты намерен заниматься обманом?

— Каким обманом? — возмутился я.

— Тем, что ты называешь прорицаниями. Ведь ты обманываешь. Я не знаю, как ты это делаешь, но знаю — это обман.

— Но ведь предсказания сбываются, — возразил я.

— Тем хуже. Значит, обман принимают за правду.

— Ну… Ты, в общем, права, — замялся я. — Это

не совсем прорицания. Я просто знаю то, чего не знают другие.

— Я запрещаю, слышишь? — сказала она тихо. — Запрещаю.

Нужно знать мою маму, чтобы оценить ее слова. Она никогда ничего не запрещала — ни мне, ни Светке. Это не значит, что мы не чувствовали ее отношения к нашим поступкам. Но запрет как воспитательная форма был ею исключен. Может быть, поэтому я не курю и практически не пью вина. Толика нещадно секли за это — и вот результат: он курит с шестого класса.

В таких условиях нарушить запрет было мне не по силам. Да я и сам уже созрел, чтобы отказаться от пророчеств. Но как это сделать? Можно было просто отказаться от всяких предсказаний, но не хотелось выглядеть легкомысленным человеком в глазах окружающих. То он знает будущее, то не знает. Пророк — он всегда пророк. Лучше всего было бы уничтожить само воспоминание о моем неожиданном даре. Для этого необходимо было прыгнуть назад, к моменту моего первого предсказания, и жить снова, уже не пытаясь быть пророком. Это было самое мудрое решение.

Три вещи удерживали меня.

Во-первых, я опять оставался без часов и вы-

нужден был дожидаться, пока дед в третий раз мне их подарит.

Во-вторых, утонувшие рыбаки и попавшая под машину девочка. Неизвестно, как будет с ними при новом повторе времени.

В-третьих, Марина.

Марина Осоцкая была самой красивой девочкой в нашем классе. Пожалуй, даже в школе. Может быть, и в микрорайоне. Мало того, она отлично училась и имела разряд по дельтапланеризму.

Я однажды видел, как она в Кавголове летала с горы. Горькое было ощущение. Никогда не поймать мне эту жар-птицу. Я понимал, что не могу ничего предъявить в обмен на ее исключительные качества. Зарубежные тряпки и вещицы, которые привозил папа, могли подействовать на других девчонок, но не на нее. Ей надо было предъявлять свое собственное. А что у меня было? Три аккорда на гитаре да неплохое знание футбольных правил. Слабо.

Поэтому я и думать о Марине не смел, довольствуясь тем, что она дружила с Максом — моим другом. Макс прилично знает испанский, сам собирает аппаратуру и имеет диплом городской математической олимпиады.

Но вот после моих успехов в роли гадалки, или гадальца — так будет точнее, — я заметил, что Марина стала проявлять ко мне интерес. Она не лезла с просьбами, как другие, угадать, вызовут или не вызовут к доске. Ее интересовала научная сторона.

Я опять начал туманно объяснять про подкорку и интуицию.

— Интересно, где была твоя интуиция год назад? — задумчиво спросила она.

— А что было год назад?

— Да так, ничего. Просто ты мне нравился, но совсем этого не замечал.

Вот это да! Сразу захотелось прыгнуть на год назад и заметить, черт подери! Но было обидно: с трудом наскребаешь годик жизни, так он медленно тянется — и вдруг выкидывать его и начинать сначала? Так я буду жить не вперед, а назад. Ничего, теперь я знаю, что способен ей понравиться, теперь я окружен ореолом… Посмотрим. Я только не знал, как быть с Максом. Друг все же.

А Марина все продолжала разговоры со мной о подкорке и таинственных явлениях мозга. Макс начал дергаться. Он напрягся и получил диплом по физике. Но что был его диплом по физике по сравнению с моим предсказанием, что он полу-

чит диплом по физике?

Однако я все равно чувствовал себя не в своей тарелке, будто завоевывал внимание Марины с помощью папашиных вещичек. Ведь часы достались мне от деда. Никаких реальных способностей прорицателя я не имел.

После долгих колебаний я решил покончить с этим делом. Слегка согревала мысль о том, что этим я заглажу трещину, возникшую в нашей дружбе с Максом. А Марина… Что ж, если ей нужны пророки, пусть обращается к цыганкам.

В один миг я стер свое прошлое. Я снова оказался в школьном коридоре, снова выслушал разговоры относительно тем сочинения, но не проронил ни слова. Можете представить себе отвращение, с которым я в третий раз писал одно и то же сочинение. Вероятно, из-за этого получил 4/4. И «четыре» в четверти.

Через десять дней я снова стал обладателем часов, причем на этот раз дед подарил мне их в больнице, куда он попал накануне моего дня рождения. Выглядел он совсем плохо. Я ничего не сказал ему.

Получив часы, я спрятал их подальше от глаз и снова прожил те два месяца, во время которых ранее непрестанно скакал туда-сюда, занимаясь

прогнозами. На этот раз я вел себя тихо, ничем не обнаруживая своих способностей, хотя иногда так и подмывало закричать во весь голос: «Ну что же ты делаешь! Через неделю ты будешь горько жалеть об этом!» Но я молчал.

Слава богу, в этом варианте рыбаки не потонули, а девочка не попала под машину. По крайней мере, на моих глазах.

Пора было задуматься о будущем, как говорила моя мама. Наличие часов сделало мысли о будущем вполне конкретными. Я мог не просто мечтать и строить планы, но, заглянув на несколько лет вперед, проверить, что из них вышло.

Это было опасно. Все равно что нырнуть в незнакомом месте на озере или в реке. Можно лоб расшибить. Возникала масса вопросов, и первый среди них: как не потерять связь с часами?

Я рассуждал так. Допустим, я выберу какой-нибудь момент будущего и прыгну туда. Я сам и все материальные тела, включая часы, займут положение, соответствующее тому моменту. Что, если в тот миг мы будем разлучены с часами? Я могу быть в командировке, в отпуске, а часы оставить дома… Вдруг мне настолько резко не понравится в будущем или возникнет такая опас-

ность, что нужно будет срочно прыгать обратно? А часов нет.

Я решил впредь не расставаться с часами. Для этого я приобрел тонкую и прочную стальную цепочку, продел ее в ушко, имевшееся на крышке часов, и стал носить их на шее, как медальон. Скоро я привык к ним, часы мне не мешали, ибо ничего не весили. Чтобы они не блуждали под рубашкой, я приклеил к задней стороне пятак. Эпоксидной смолой. Слегка волнуясь за часы, принял ванну. Часы выдержали купанье, в чем я практически не сомневался: волшебные часы наверняка изготовили водонепроницаемыми и противоударными.

Маме и Светке я объяснил, что теперь такая мода.

— А что в медальоне? — поинтересовалась сестра.

— Портрет Джона Леннона, — соврал я.

— Покажи!

— Не покажу. Это святыня.

Светка отстала.

Конечно, я не мог гарантировать, что медальон и в будущем всегда окажется при мне. Мало ли что может случиться. Но я рассчитывал, что привычка носить его на шее закрепится на всю жизнь, а

значит, риска при скачках будет меньше.

Но что значил этот риск в сравнении с главной опасностью, о которой я боялся даже подумать. Я мог залететь туда, где меня уже нет. Длина прыжка роли не играет. Следующий день или следующий год — никто из нас не знает своего последнего часа.

Оттуда уже не вернуться.

Вот эта-то мысль и не давала мне покоя. Рассуждая логически, впредь нельзя было прыгать ни на одну минуту, если хочешь получить стопроцентную уверенность в возвращении.

Но тогда на кой ляд мне эти часы? Назад — неинтересно, вперед — страшно. Оставалось только проверять по ним время.

А жизнь накатилась свежая, неповторимая и прекрасная. Я соскучился по ней. Каждый день таил неожиданности: я купался в них, радуясь и огорчаясь, временами совершенно забывая о том, что у меня под рубашкой, как мина замедленного действия, болтаются волшебные часы.

Мы закончили девятый класс и поехали в КМЛ пропалывать овощные культуры. Макс не поехал с нами. Его как победителя городской олимпиады по физике премировали путевкой в Карпаты. Марина расценила это как предательство. Кажется,

перед отъездом они поссорились.

После того как я остался прежним обыкновенным человеком, ее отношение ко мне тоже осталось прежним. Я был всего лишь другом Макса, не более. Но все же я, благодаря дружбе с Максом, был к ней ближе, чем любой другой из нашего класса, поэтому само собою получилось, что в КМЛ мы продолжали быть вместе: пропалывали одну грядку, бегали купаться и ходили на дискотеку, которую два раза в неделю устраивали нам шефы.

Макс незримо присутствовал при всех наших разговорах с Мариной, хотя она о нем не упоминала. Между нами возникла молчаливая договоренность сохранять статус-кво, хотя над нами посмеивались, называя меня заместителем Максима Кириллова.

Особенно усердствовал Толик, что меня удивляло. Видимо, он сам хотел бы стать заместителем Макса.

Медальон у меня на шее, конечно, заметили и тоже острили по этому поводу. Особенно интриговал всех пятак, приклеенный на обратной стороне. Марина тоже спросила, что там внутри. Это было, когда мы после прополки загорали на берегу озера.

Я молча нажал на замочек и откинул крышку часов.

— Ого! — сказала она. — Откуда у тебя это?

— Дед подарил, — сказал я.

— Какие легкие! — удивилась она, беря часы в руку. Цепочка у часов была короткой. Я нарочно сделал ее такой, чтобы часы было трудно снимать через голову. Поэтому Марине пришлось наклониться к моей груди, чтобы лучше рассмотреть часы. Ее лицо оказалось близко-близко. И я внезапно ее поцеловал. Клянусь, что это произошло помимо моей воли.

Я ожидал, что она возмутится, чего доброго влепит пощечину. Но она задумчиво повертела часы в руках и спросила:

— А пятак-то зачем?

Я хотел ответить, но задохнулся. Сердце билось так громко, что я боялся, как бы она не услышала. Марина отпустила часы и улеглась на камне лицом вниз. Я тоже спрятал лицо. Оно пылало. Минут пять мы лежали молча. Потом я сказал:

— Там дырка в корпусе. Я ее заклеил.

— А-а… — сказала она.

Мы еще полежали.

— Пойдем погуляем, — сказала она.

Сердце подпрыгнуло у меня до зубов. Я натянул

джинсы и майку, стараясь не смотреть на Марину. И мы пошли по берегу озера.

Незаметно мы отклонились в лес и пошли по мягкому мху, пружинящему под ногами. У меня внутри было состояние невесомости. Мы молчали.

В лесу было тепло и тихо, как в старом доме, когда протопили печку. Березы светились из-за сосен розовым светом. Солнце просвечивало листочки, как рентген. Пахло почему-то дыней, хотя дынь нигде не было видно. Где-то далеко-далеко, будто в другой стране, ухала кукушка.

— Считай, — сказала Марина, оборачиваясь ко мне.

Мы остановились и стали считать кукованья. Кукушка куковала долго и щедро; видно, ничто ей не мешало. Она накуковала нам целую жизнь.

— Сто семнадцать, — прошептала Марина.

— И у меня, — сказал я.

— Неужели мы проживем сто семнадцать лет! — засмеялась она.

— Вместе… — еле слышно добавил я.

Она строго посмотрела на меня в упор, но ничего не сказала. А я подошел к ней и обнял. Дальше я плохо помню. Мы стояли среди деревьев в пустом, пронизанном солнцем лесу и целовались.

Может, час. Может, два. Солнце скатилось низко. Лес потемнел.

Нам страшно было оторваться друг от друга, страшно прийти в себя, потому что нас подстерегал один и тот же вопрос.

— А как же Макс? — наконец спросил я, отрезвев.

Она повернулась и пошла прочь, поигрывая травинкой. Мне показалось, что такой я ее запомню на всю жизнь — беспечно идущую по мягкому мху и поигрывающую травинкой.

Мы пришли в лагерь к дискотеке. Танцевали вместе. И никто не сказал нам ни слова. Даже Толик.

Засыпая в тот вечер, я подумал, что это был самый счастливый день в моей жизни.

Так в чем же дело?! Меня так и подбросило на койке. Я хочу быть с Мариной, я хочу, чтобы это продолжалось до бесконечности! Вот они, часики... Я встал с кровати и, стараясь не разбудить спящих товарищей, на цыпочках вышел в коридор. Там включил свет и переставил стрелки и календарь на вчерашний день — на тот именно час, когда мы, закончив прополку, потянулись к озеру.

Прополку я не включил в число счастливых

минут вчерашнего дня. Щелкнула крышка часов, дрогнуло пространство — и я опять оказался рядом с Мариной.

Мы снова лежали на том же огромном, нагретом солнцем валуне, покато сбегавшем в озеро. И я снова показывал ей часы, с нетерпением ожидая, когда она наклонится ко мне. И опять в первый раз поцеловал. Сердце вновь билось громко, но не так часто, как вчера. На этот раз Марина слегка отодвинулась и сказала мягко:

— Не надо, Сережа…

А потом был лес, и мягкий мох, и мы уже не стояли, а лежали в нем, обнявшись и заглядывая друг другу в глаза…

Простившись с Мариной после дискотеки, я тут же возвратил время вспять и вновь оказался с нею на валуне.

Этот фокус я проделал пять раз. Пять дней подряд мы были с нею вместе, пока это не начало напоминать мне сок манго. Да и она вела себя не совсем так, как впервые, будто знала о наших возвращениях. Сердце мое стучало ровно и уверенно, я действовал по программе, заранее зная, в какой момент поцеловать, где заглянуть в глаза…

На пятый день вышел конфуз. После первого поцелуя она вскочила на ноги, возмущенно вос-

кликнув:

— Перестань, Мартынцев!

Я успокоил ее, подождал, пока она остынет, и пригласил на прогулку в лес, надеясь там отыграться. Все было прежнее — и солнце, и мягкий мох, и розовые березы… Запах дыни, правда, исчез, да кукушка, отсчитав нам десяток лет, умолкла.

— Десять лет… — недовольно протянула Марина.

— Зато наши. Ведь мы будем вместе, — уверенно сказал я.

— С чего ты так решил?

Я шагнул к ней, обнял и поцеловал, увлекая на мягкий мох, как делал это уже неоднократно. Но она вдруг принялась вырываться и орать:

— Пусти! Ты с ума сошел! Пусти, слышишь?!

Я разозлился. Нельзя же вести себя так непоследовательно! Отчаянно сопя, я продолжал обнимать ее, ловя губами ускользающее лицо.

— Пусти, дурак!

— Ты же любишь меня. Сама говорила, — тяжело дыша, выложил я козырь.

— Я?!

Надо было видеть ее лицо.

— Все равно мы будем вместе, — упрямо ска-

зал я.

— Очень ты мне нужен!

— Вот увидишь.

Она поднялась, отпихнув меня, и пошла прочь, поигрывая травинкой. Однако совсем не так, как в первый раз. «Ну, ладно! — мстительно подумал я, нащупывая часы под майкой. — Я тебе покажу!»

Впоследствии я не раз жалел, что первый свой скачок вперед совершил в состоянии аффекта. И этого уже не поправить. Я мог стереть в памяти чужой опыт. Мой навсегда оставался при мне.

Очень уж мне хотелось тогда сразу доказать ей свою правоту. Я был уверен в том, что женюсь на ней, когда мы немного подрастем. Зря, что ли, мы пять дней подряд обнимались и целовались?

Страха перед будущим в тот момент не было. Я помнил, что кукушка обещала не менее десятка лет. К черту кукушку! Лихорадочно сообразив, что на доказательство потребуется лет шесть, пока мы закончим школу и институт, я перевел календарь на шесть лет вперед, оставив дату прежней. Я уже хотел щелкнуть крышечкой, но тут сообразил, что неплохо было бы поменять час, чтобы не попасть сразу, как кур в ощип, в незнакомую ситуацию. Пускай это будет ночь.

Утром проснемся, поглядим…

Марина скрылась за березами. Интересно, где мы с ней окажемся через шесть лет? Я представил себе почему-то туристскую палатку — в это время у нас, наверное, будет отпуск, — а в ней мы с Мариной в лесу, на берегу озера. На приколе покачивается наша двухместная байдарка… Я приложил часы к шее и нажал на крышку.

Проснулся я от невероятно громкого звука трубы, разносящегося от громкоговорящей трансляции. В то же мгновенье в глаза ударил яркий свет. Я подскочил на кровати, с ужасом озираясь.

Я находился в длинном помещении, уставленном рядами двухэтажных железных коек. Между койками молча, с лихорадочной быстротой натягивали военную форму абсолютно незнакомые люди. Я инстинктивно потянулся к груди. Слава богу, часы на месте! Я открыл их и посмотрел время. Четыре часа ночи…

— Серега, чего сидишь? Тревога! — снизу вынырнуло симпатичное, но тоже совершенно незнакомое лицо, а до меня дошло, что я нахожусь на верхней койке.

Я неловко соскочил вниз, чуть не угодив на моего нижнего соседа, и схватился за зеленые солдатские галифе. Делать, как все, ничего не

спрашивать! Война, что ли?!

В первый же момент я сообразил, что не имею решительно никакого понятия о тех шести годах, через которые я перепрыгнул. Полная пустота.

— Серега, ты чего? Не проснулся? — с удивлением воскликнул нижний сосед, вырывая из моих рук галифе. — Это мои. Вот твои!

Он указал на тумбочку, на которой аккуратно была сложена солдатская форма. Взглянув на погоны, я убедился, что я — ефрейтор. «Негусто!» — промелькнуло у меня в голове.

— Где носки? — спросил я соседа.

— Шутишь! — он захохотал, указывая на портянки, висевшие на нижней перекладинке койки.

Все вокруг уже бежали куда-то, топоча сапогами по крашеному деревянному полу.

С портянками пришлось помучиться. Раньше я теоретически знал про портянки, но не предполагал, что их так неудобно обматывать вокруг ноги. Когда засовывал ноги в сапоги, портянки съехали на голень. Застегивая на ходу ремень, я побежал за соседом.

Мы выбежали из казармы и оказались на строевом плацу, освещенном двумя прожекторами. Было жутковато. Солдаты спешно строились в

шеренги, я старался не терять из виду соседа, бежал за ним, как привязанный.

Он занял место в строю, я вытянулся рядом. Он больно толкнул меня в бок локтем.

— Не тут твое место!

Я понял, что нужно встать по росту. Он был значительно ниже меня. Пробежав вдоль строя, я втиснулся наугад между двумя одинаковыми со мною по росту солдатами.

— Мартынцев опять позже всех, — проговорил прапорщик, стоявший перед строем с секундомером.

Секундомер меня несколько успокоил. Похоже, что не война. Вряд ли на войне засекают время построения секундомером. Похоже, учебная тревога.

Прапорщик произвел перекличку. Все кричали: «Я!» — и я тоже крикнул: «Я!»

Перед строем появился капитан.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здра-жла-трищ-тан! — дружно прокричали мы.

— Наша рота получила боевое задание: занять высоту пятьсот тридцать один на направлении предполагаемого удара противника, опрокинуть и смять его контратакой…

«Опрокинуть и смять… — повторил я про себя. — Значит, все-таки война».

— Командирам взводов приступить к выполнению задания! — закончил капитан.

Слева вышел из строя лейтенант, по-видимому наш командир взвода. Он повернулся к нам лицом и крикнул:

— Взвод, слушай мою команду! Напра-во!

Я повернулся правильно. Это сильно меня взбодрило.

— Шагом марш!

Мы куда-то потопали.

«Вот влип! — думал я, шагая. — И назад не прыгнуть, некогда!»

С другой стороны, мне было интересно, как мы будем опрокидывать и мять какого-то противника.

Мы притопали к длинному низкому зданию с зарешеченными окнами. Над обитой железом дверью качался фонарь. Рядом стоял часовой.

— Разобрать оружие! — скомандовал лейтенант.

Все побежали к двери, я тоже. За дверью оказался склад оружия. Сослуживцы стали хватать сложенные в пирамиды автоматы. Прапорщик выдавал магазины с патронами. Я немного по-

медлил, ожидая, когда они расхватают автоматы. В пирамиде остался один. Я схватил его. Прапорщик сунул мне магазин и сказал:

— Тебя с отделением выкинем у овражка. Бери свой пулемет.

— А где он? — я очумело оглянулся по сторонам.

— Не проснулся — так тебя и так! — крикнул он, разворачивая меня и придавая толчком нужное направление.

Я увидел нечто напоминающее пулемет, схватил его — он был зверски тяжелый — и устремился к выходу.

— Голубев, патроны захвати! — крикнул прапорщик.

Мой сосед по койке с двумя ящиками патронов под мышкой выскочил за мной. У дверей склада уже урчал грузовик с брезентовым верхом. Мы полезли туда. Через минуту мы мчались в ночи, прижав холодные стволы к подбородкам.

Все молчали. Я с надеждой посматривал на Голубева. Он подмигнул мне. «Нет, все же не война…»

Грузовик затормозил.

— Мартынцев, выводи отделение на позицию. Займите оборону, в атаку — по красной ракете! —

приказал лейтенант.

— Есть! — крикнул я радостно. — Отделение, за мной!

И выпрыгнул из грузовика. За мною посыпались мои люди, в том числе Голубев с ящиками патронов. Я насчитал человек шесть. Грузовик умчался. Я обвел взглядом подчиненных.

— Занять позицию! — скомандовал я.

— Кончай панику пороть, Серега, — сказал Голубев. — Покурим.

Все достали из гимнастерок сигареты и расселись под деревьями, прислонив автоматы к стволам. Я тоже уселся и потянулся к карману. Оказалось, я курю сигареты «Лайка». Пришлось прикурить и с отвращением затянуться. Дикая гадость.

— Уже ползут, — кивнул в сторону низкорослый парень с раскосыми по-якутски глазами.

Я взглянул туда. Противоположная сторона оврага полого спускалась к маленькой речке, над которой стоял белесый туман. В предутренней мгле из тумана выплывали черные контуры танков. За танками неслышно двигались человеческие фигуры с автоматами наперевес.

— Надо стрелять… — неуверенно сказал я.

Вдруг из переднего танка вырвалось короткое

пламя, и в ту же секунду над нашими головами с уханьем и свистом пронесся снаряд.

— Командуй, чего сидишь?! — Голубев вскочил на ноги.

— Отделение, слушай мою команду! — я тоже вскочил. — По врагу короткими очередями… Патронов не жалеть!.. Умрем, но не сдадимся!

Все с интересом смотрели на меня.

— Ребята, ну давайте же! — взмолился я. — Устанавливайте эту штуку! — я показал на пулемет.

— Твоя же работа! — Голубев бросился к пулемету, принялся его разворачивать.

— Я не умею, — развел я руками.

— Сдрейфил командир, — констатировал Голубев, припадая к пулемету и наводя его на атакующих.

Мои солдаты залегли за деревьями. Началась бешеная стрельба. Я отполз в сторону, отложил автомат и дрожащими руками вынул из-за пазухи часы. Мимо свистели пули. Надо было срочно сматываться, учитывая обстановку. Но куда? В будущее не очень хотелось. Надо назад, к маме… Рядом взорвалась граната. Меня обсыпало землей. «Что-то слишком круто для холостых…» — успел подумать я, переводя стрелки, и стал нажимать на головку календаря. Замелькали

годы в окошечке, месяцы, дни… Я окинул прощальным взглядом свое сражающееся отделение и щелкнул крышкой. В этот миг я чувствовал себя дезертиром.

Слава богу, я оказался дома, в своей комнате. Первым делом я взглянул на часы и убедился, что попал в тот же год, из которого прыгнул вперед, но не в июнь, а в август. Следовательно, КМЛ был уже позади. Оно и к лучшему: неизвестно, как смотреть в лицо Марине после вчерашней истории. Я стал анализировать итоги первого прыжка в будущее. Армию я разгадал быстро. Если это не было настоящей войной, в чем я был почти уверен, то, значит, я отбывал службу после института. Какого? Интересно было бы узнать.

Гораздо больше меня волновало другое, а именно — полное отсутствие в памяти информации о прошедших в промежутке годах. Я ведь как-никак их прожил. Не свалился же я с Луны прямо в казарму. Тот же Голубев, и прапорщик, и лейтенант прекрасно меня знали. А я их — нет. Выходит, что некто, называвшийся Сергеем Мартынцевым, служил с ними, учился стрелять из пулемета, дослужился до ефрейтора, а потом в один миг все позабыл, когда в него из КМЛ впрыгнул я? Странная картина.

Рассуждая логически, этот Сергей Мартынцев остался там, у овражка, стрелять по танкам, когда я из него выпрыгнул. Но вернулась ли к нему прошлая память? Научился ли он снова стрелять из автомата? Совершенно неизвестно…

Какая-то чертовщина получается: я был здесь, дома у мамы, и одновременно служил в армии, но в другое время, шесть лет спустя. Более того, пока я прыгал туда и обратно, на что ушло не более двух часов, прежний я успел прожить пару месяцев, уехал из КМЛ, потом был неизвестно где, а теперь сидит дома и ломает голову. Я совершенно запутался. Что же это за время такое?

Или: что это за времена? Судя по всему, их довольно много. Надо срочно поговорить с дедом, решил я.

— Сережа, ты готов? — раздался из другой комнаты голос мамы. «К чему?» — испугался я, оглядываясь. Тут я понял, что переодеваюсь, поскольку был в трусах и в одном носке. На стуле висел мой черный вельветовый костюм. Значит, мы с мамой куда-то идем.

— Сейчас! — крикнул я, принимаясь быстро одеваться.

В комнату вошла мама. Лицо у нее было строгое. Под глазами я заметил мешки. Мама была в

темном платье с черным платочком вокруг шеи.

— Пошли, — сказала она.

В коридоре нас ждала Светка. Живот у нее заметно подрос. Она тихонько всхлипывала, утирая кончиком платка слезы. Я почувствовал, что произошло что-то ужасное и непредвиденное, но спросить боялся. Мы молча пошли по лестнице.

У подъезда стояло такси. Мы уселись в него так же молча.

— Пожалуйста, к Военно-морской академии, — сказала мама.

И тут я догадался.

У подъезда академии стояла вереница машин и автобусов. Нас встретил офицер и повел маму под руку вверх по лестнице. Мы с сестрой шли сзади.

Двери актового зала были широко раскрыты. В них бесшумно входили люди. Из зала выплывала траурная мелодия.

Посреди зала на возвышении стоял гроб, обтянутый красной материей и окруженный венками с траурными лентами. В гробу лежал дед в адмиральской форме. У гроба навытяжку стояли курсанты с карабинами. Блестели примкнутые штыки.

Нас усадили на стулья с правой стороны.

В зал входили люди, возлагали цветы, остава-

лись стоять, глядя на деда. Он лежал с плотно сомкнутыми губами, будто улыбаясь загадочно и горько. Мне было страшно смотреть на него. К нам подходили, шептали какие-то слова. Потом началась панихида.

Слова с трудом доходили до меня. «Крупный флотский военачальник», «честный и принципиальный», «беззаветное служение Родине». Мне вспомнилось, как он подмигнул мне, даря часы. Он унес с собою их тайну.

Шестеро офицеров подняли гроб на плечи и понесли к выходу. Впереди колыхалась вереница венков и бархатных подушечек с дедовскими орденами.

В автобусе дед лежал в закрытом гробу между мною и мамой. На крышке покоились его адмиральская фуражка и кортик. Он так и не подарил его мне.

На кладбище, улучив момент, я отодвинулся назад и, пригнувшись, скрылся за могильными крестами и памятниками. Гроб уже опускали в могилу. Глухо стучала земля о крышку. Вдруг ударил в небо залп ружейного салюта. Я стоял рядом с мраморным крестом, на котором потускневшим золотом была выбита надпись: «Федор Федорович Горбыль-Засецкий, адвокат». На мраморной

плите стояла маленькая и тоже мраморная скамеечка. Я присел на нее, и рука сама потянулась к груди, отыскивая часы.

За что он так наказал меня? Ведь я не могу жить дальше, зная, что он лежит тут, засыпанный теплой летней землей. Я со страхом взглянул на матовый вороненый циферблат, в первый раз понимая, что за вещь у меня в руках. Остальное было делом минуты. Я прыгнул назад ровно на две недели.

...И оказался под водой. Час от часу не легче! Судорожно двигая руками, я попытался вынырнуть, но мне кто-то не давал. Меня держали за плечи, толкали вниз... Вода клубилась пузырьками воздуха. Я собрал последние силы, сбросил чужие руки и вынырнул на поверхность. Передо мной были радостные лица Макса и Толика. Не раздумывая, инстинктивно, я двинул Макса в нос кулаком.

— Ты чего?! — опешил он. — Психованный, что ли?

Кажется, он обиделся и поплыл к берегу надменным правильным брассом. Толик последовал за ним.

Я осмотрелся. Мы были в Озерках. На пляже валялись загорающие.

Я поплыл к берегу. Там сидели и лежали наши, среди них Марина. Ни на кого не глядя, я нашел свою одежду, быстро натянул ее и пошел прочь.

— Серый, ты куда? Мы же только приехали! — кричали сзади.

— Прижали мы его, он испугался, — объяснил Толик.

Плевал я на них! Испугался… Я деда только что хоронил. Я примчался домой и первым делом осторожно выведал у Светки, где находится дед.

Она пожала плечами: дома…

— А как он себя чувствует?

— Прекрасно. А зачем тебе?

Я набрал номер телефона.

— Дед, это я, Сергей. Можно к тебе приехать?

— Милости прошу, — ответил он удивленно.

Я поехал к нему.

Вот эти минуты были самыми страшными — когда я ехал в трамвае к деду. Меня прямо трясло. За последние несколько часов я пережил неудачное объяснение с Мариной в лесу, танковую атаку, похороны деда и едва не был утоплен. Ощущения, прямо скажем, разнообразные. Но не это главное. Перед глазами стояли плотно сомкнутые губы деда в гробу.

Он встретил меня приветливо.

— Заходи… У тебя появились новые вопросы?

— Почему новые?

— Ну, ведь мы же с тобою вчера беседовали. Ты мне рассказывал о своих прыжках, как ты их называешь. О своих ужимках и прыжках. Не обижайся. Вы помирились с Мариной? Кажется, сегодня ты хотел ей что-то сказать в Озерках?

«Любопытная информация», — подумал я, проходя в кабинет.

Там все было по-старому. На столе лежала толстая тетрадь в кожаном переплете. Она была раскрыта на последних страницах, усыпанных ровным, мелким почерком деда.

— Что ты пишешь? — спросил я, кивнув на тетрадь.

— Мемуары… — сказал он, как-то странно взглянув на меня.

— Для издательства?

— Для тебя, — дед начал раздражаться. — Я считаю, что каждый человек должен оставить воспоминания о себе для своих потомков. Хотя бы краткие. Наступает час, когда они необходимы сыну или внуку. Впрочем, мы с тобою говорили об этом вчера. Ты забыл?..

Видимо, на этот раз уже я посмотрел на него странно, потому что дед склонил голову набок,

озадаченно причмокнул губами, и сразу его осенила догадка.

— Ты прыгал?

— Да, — потупился я.

— Ага, и это произошло до вчерашнего нашего разговора. Ты прыгал вперед, поэтому ничего не знаешь о том, что произошло с тобою здесь, — удовлетворенно кивал дед, распутывая загадку. — А сейчас ты вернулся и пребываешь в недоумении…

Я потупился еще сильнее.

— Ну, и как там, в будущем? Какие новости? — спросил он с виду беспечно, но, как мне показалось, с затаенной тревогой.

Я поднял лицо. Это было мучительно. Мы встретились глазами, и дед все прочитал в моих глазах.

— Садись, Сергей… — Он направил меня к креслу, по пути легким движением дотронувшись до груди, где под рубашкой покоились часы. — Часики на месте. Молодец… Я в свое время не догадался всегда иметь их при себе… Молодец.

Я уселся в кресло, дед — напротив. С минуту он смотрел на меня, а точнее, сквозь меня.

— Когда это случится? — вдруг тихо спросил он.

Я посмотрел на него с мольбой. Я не мог сказать ему, когда он умрет.

— Понимаю. Не надо, — остановил он меня. — Надеюсь, я успею закончить это, — дед взглянул на тетрадь. — Значит, ты вернулся из-за меня?

Я кивнул.

— Напрасно. Живые не должны встречаться с мертвыми. Это противоестественно. Они должны лишь помнить о них…

— Дед, возьми их назад, — я вытянул часы за цепочку, и они повисли у меня в руках, как гирька убийцы.

— Спрячь, — поморщился он. — Неужели ты думаешь, что я отступлю перед смертью? Я с нею не раз встречался. Это неприятная дама, не скрою, но можно стать сильнее ее. Тем более когда знаешь, что жизнь и смерть относительны.

— Как? — не понял я.

— Это следствие феномена часов. Ты еще не понял? Значит, ты не дал себе труда подумать над ними. Слушай меня внимательно. Это все чисто логические умозаключения.

И дед прочитал мне теорию часов, то есть теорию пространства-времени, которую он вывел из свойств этого удивительного прибора. Конечно, это не было строгой физической теорией — дед

не обладал для этого необходимыми знаниями, — но кое-какие понятия об относительности пространства-времени он имел, что, кстати, меня удивило.

Дед сказал, что время — не единственно. Времен — бесчисленное множество. Точнее — временны**х** пространств, как он выразился: это то же самое, что четырехмерное время-пространство у Эйнштейна, с той лишь разницей, что там оно одно, а на самом деле их бесконечно много. Правда, я уже предупреждал, что означают слова «на самом деле». Все эти пространства пересекаются в одной-единственной точке. Эта точка и есть мои часы, как вы догадались. Каждое временн**о**е пространство можно сравнить с пленкой бесконечного кинофильма, где кадрик за кадриком зафиксированы все состояния Вселенной. С помощью часов мне удается совмещать кадрики разных пространств, будто прикладывая одну пленку к другой, и перескакивать из кадрика в кадрик.

Далее я живу уже в новом пространстве, но с тем, старым, ничего не случилось. Кино крутится дальше. Более того, своим прыжком я порождаю новое временное пространство. Если я впрыгиваю в кадрик своей жизни где-то впереди,

как это случилось, когда я попал в казарму, то я лишь мгновенье существую в нем, а дальше кино раздваивается: тот человек, который назывался Сергеем Мартынцевым и дослужился до ефрейтора, с твердой памятью и военными навыками, скорее всего успешно отразил атаку неприятельских танков, а я, впрыгнувший в кадр его жизни совсем из другого времени, повел кино по другому пути и вынужден был бежать, оставив себя в лесу с автоматом в совершенно беспомощном состоянии. Следовательно, там, в будущем, сейчас крутились два сходных кино: в одном — бравый ефрейтор Сергей Мартынцев отражал атаку, а в другом — тот же ефрейтор, внезапно потерявший память и воинский опыт, скорее всего, позорно бежал с поля боя, бросив автомат, и должен был за это предстать перед судом военного трибунала.

Существенная разница, не правда ли?

— Так, значит, меня… нас много? — пробормотал я.

— И тебя много, и меня много, и всех — очень-очень много, — весело сказал дед. — Беда только в том, что мы не знаем о существовании друг друга. Иногда слабо догадываемся: все-таки пространства влияют одно на другое. Тогда возникает

слабая догадка, воспоминание, будто это уже с тобою было когда-то… Дежавю.

— Что? — спросил я.

— Дежавю. Ложная память… Отсюда же предчувствия и сбывшиеся предсказания. Каждый из нас живет бесконечное количество жизней. В близких пространствах они более или менее совпадают, в далеких — расходятся. Может быть, в каком-нибудь дальнем пространстве я еще не родился. А в другом и не являюсь на свет никогда… И тех, и других пространств — бесконечность. Следовательно? — спросил он, как наш учитель математики.

— Следовательно… — тупо повторил я.

— Следовательно, бесконечное число моих «я» существовало, существует и будет существовать всегда! — эффектно закончил дед.

С минуту до меня доходило.

— Так это же… бессмертие… — пробормотал я.

— Правильно. Бессмертие, — дед почему-то подхихикнул. — Только от такого бессмертия мне ни тепло, ни холодно, поскольку я не общаюсь с другими своими «я».

— Так вот же. Общайся, — я опять протянул ему часы.

— Нет, Сережа, — он отстранил их. — Я уже

выбрал. Негоже на старости лет… — дед не договорил.

Он сделался серьезен, ушел в себя. Мы долго молчали.

— Значит, мне осталось совсем немного… — наконец произнес он. — Ну что ж… Надо доделать свои дела. Ступай, Сергей.

Он уселся за стол, придвинул к себе тетрадь. Я поднялся тоже и стоял рядом, как истукан, не в силах тронуться с места.

— Ступай, ступай! — недовольно сказал он.

Я деревянно наклонился к нему, чтобы поцеловать.

— Вот еще новости! В гробу поцелуешь! — раздраженно ответил он, отмахиваясь от меня, как от мухи.

Я поспешно покинул комнату.

Потянулись томительные дни, каждый из которых приближал роковую дату. Я не видел выхода из создавшегося положения. Не допустить смерти деда можно было лишь одним способом: самому прекратить жить. Нет, не убивать себя, упаси бог, а просто болтаться по пространствам времени в пределах тех четырех месяцев, что прошли от моего дня рождения. Я перестал есть и выходить на прогулки. Напрасно меня вызванивали друзья

по телефону, не понимая, что со мною случилось. Мама, конечно, тоже заметила, но даже она не почувствовала, что таится за моею апатией.

— Сережа, что с тобой? — спросила мама, когда я в очередной раз отказался обедать.

— Он влюбился. Точно, — сказала Светка.

— Не похоже… — с сомнением сказала мама.

Оставалось два дня. Я чувствовал себя одновременно как приговоренный к смерти, которому сообщили дату исполнения приговора, и как судья, подписавший этот приговор. В первый раз я оценил мудрость и милость природы или судьбы, не знаю, держащей нас в неведении относительно смертного часа. Притом, что мы уверены в его неминуемости, ибо никому не удалось его избежать, мы живем спокойно и даже веселимся, благодаря сущему пустяку — неосведомленности о часе ухода. Точное его знание, даже если час этот отодвинут на сто лет — парализует. Ты перестанешь жить, лишь будешь сто лет считать, сколько тебе осталось.

Оказалось, что это справедливо по отношению не только к себе, но и к близким.

В момент наиболее мучительных раздумий позвонил дед.

— Сережа, ты еще тут? — спросил он.

— В каком смысле?

— Ты не пробовал прыгнуть вперед?

— Нет.

— Напрасно. Это тягостная процедура, поверь мне, и лучше будет, если ты ее избежишь. Мне много раз приходилось провожать близких и друзей.

Со стороны можно было подумать, будто он говорит о проводах на вокзале.

— Улетай, мой мальчик. Тебе еще предстоит много испытаний, — продолжал он.

— Что ты говоришь?! — с досадой закричал я, но тут же вспомнил, что разговариваю с человеком, который послезавтра умрет. — Дед, милый, я не знаю, как тебе сказать… Зачем ты мне их подарил? Что мне теперь делать?

Я едва не заплакал, как первоклассница, ком стоял в горле.

— Ага, я же тебя предупреждал! — ехидно отозвался дед. — Сам виноват. Нечего было их крутить. Экспериментатор! Давай уматывай отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

Он прогонял меня в другое пространство.

— Как же «уматывай»? Я же не на ракете, в самом деле… Здесь же останется другой «я»…

— Вот он меня и проводит, — тихо сказал дед. —

Прощай, мой мальчик. Не возвращайся больше ко мне, не надо…

Я не мог ответить, горло сжало.

Я стал готовиться в дальнюю дорогу. Я сразу понял, что прыгну далеко, чтобы раз и навсегда проститься с неудачами юности, начать новую жизнь и забыть о волшебном даре, полученном в подарок от деда.

Можно было, конечно, перепрыгнуть неприятную процедуру похорон и явиться первого сентября в десятый класс, как ни в чем не бывало. Но мне это почему-то казалось подлостью. Да и встречаться с друзьями больше не хотелось. Слишком много я накрутил в последнее время, слишком запутал отношения да и сам запутался во времени, чтобы так вот запросто явиться к ним с безмятежной физиономией.

И хотя я точно знал, что они не имеют понятия о моих прыжках и время текло для них обычным путем, поскольку они ничего не помнили о возвратах, мне все же казалось, что каждый мой шаг им известен.

Нет-нет, улететь далеко, распрощаться с этими унизительными годами, когда тебя не считают человеком, а так, каким-то полуфабрикатом человека, а вся твоя жизнь не имеет самостоятельной

ценности, служа лишь подготовкой к той, настоящей, взрослой жизни. Улететь, и дело с концом! Там разберемся.

Я готовился всерьез, прощался надолго, навсегда. Сентиментальный комочек в горле сопровождал мое прощание. Я вышел к ужину, удивив маму, был кроток и тих. Я смотрел на маму и сестру, стараясь унести этот миг с собой, потому что он никогда более не повторится. Я вдруг увидел, что у мамы на указательном пальце левой руки белеет кусочек пластыря. Она вчера чистила рыбу и порезала палец. Мне захотелось поцеловать этот палец, чтоб быстрее зажило. И я бы сделал это, если бы не боязнь показаться ненормальным.

А я был нормальным, более нормальным и внимательным к жизни, чем когда-либо прежде!

Внезапно Светка подурнела лицом, вся ушла в себя, а через минуту просияла:

— Мама! Он толкается изнутри!

— Ничего страшного, — улыбнулась мама.

— Серый, хочешь пощупать? — она подошла ко мне, и я положил ладонь ей на живот. Он был тугой и теплый, как арбуз на бахче. И вдруг что-то слабенькое, но упругое толкнуло меня в ладонь и затаилось, будто испугавшись дерзости.

Это был мой племянник Никита, с которым мы встретились буквально через полчаса.

Все это может показаться смешным, но у меня на глаза навернулись слезы, и я поспешно ушел к себе в комнату, не допив чая.

Медлить было нельзя. Я знал, что каждую минуту может раздаться звонок и дедова экономка, рыдая… Не думать об этом! Все уже решено.

Я окинул прощальным взглядом свою комнату, где каждый предмет был родным: гитару, магнитофон с кассетами, джинсы и кроссовки… Интересно, что из них встретит меня там? Посмотрел и на мусорную корзину под письменным столом, из которой возвышался ворох порванных в мелкие клочки бумажек. Вчерашний день, готовясь к будущему, я уничтожил некоторые документы, которые посчитал ненужными и компрометирующими меня в новой жизни. Среди них были школьные дневники, записки от девочек — наследие седьмого класса, тоненькая тетрадка со стихами, вернее, с песнями, которые я пробовал сочинять год назад, когда мне купили гитару, и открытки от отца с видами разных уголков земного шара, откуда он вел свои репортажи.

Оставив все это после себя в сохранности, я рисковал встретиться с моим прошлым в будущем.

А я не хотел этого. Я полностью порывал с собою, вернее, с ним — этим бездарным и непоследовательным типом, вялым и ленивым созерцателем, эгоистом Сергеем Мартынцевым, оставляя его доживать юность в своем унылом временно**м** пространстве без всякого волшебного дара. Я летел в другие пространства и миры, где уже сейчас разворачивалась моя ослепительная взрослая жизнь.

Прощай, мама! Прощай, Светка с племянником в животе! Прощай, отец!

Когда я увижу вас, вы будете уже другими. Да и сам я буду другим. Прощай навеки, дед! Прости меня.

Я улегся на тахту, держа перед собою часы, и, дрожа от волнения, принялся их настраивать.

Я заранее выбрал 2000 год. Меня манят круглые цифры. Кроме того, я становился вдвое старше. Солидный тридцатитрехлетний мужчина. Возраст Иисуса Христа. Была и честолюбивая мыслишка — оказаться в XXI веке раньше, чем современники.

Я выбрал осень 2000 года. День осеннего равноденствия. Бабье лето. Я люблю осень. Часы с минутами я оставил прежними — около одиннадцати вечера.

Я прислушался. Мама в своей комнате строчила на машинке, Светка, вероятно, уже спала.

Перед самым защелкиванием крышки меня вдруг обожгла страшная мысль: а вдруг там, в 2000 году, уже никого нет? Вдруг произошла всемирная катастрофа, о которой все время говорят?

Но даже это не остановило меня. Вероятно, я верил в человеческий разум. Я приложил часы к шее и с силою, обеими руками надавил на крышку.

Мое положение в пространстве не изменилось. Я лежал на той же самой тахте, в той же самой комнате. Слабо светился ночник. Я был накрыт одеялом.

Я сразу понял, что на мне абсолютно ничего нет, даже часов. Рядом со мной, под тем же одеялом, лежала красивая незнакомая женщина. Тоже совершенно голая. Одной рукой она обнимала меня за шею.

Не скрою, это было дико приятно, но поймите меня правильно. Я просто не был к этому готов. Несомненно, это было хуже, чем оказаться с глазу на глаз перед танковой колонной, не умея стрелять из пулемета. Я инстинктивно отпрянул от нее, с ужасом разглядывая. Она была белокура, с пухлыми губами и слегка вздернутым носиком.

Клянусь, я видел ее впервые. Нет, это не Марина… Она не могла так измениться.

«Жена? Не жена? Как зовут?» — такие примерно вопросы скакали у меня в голове.

Вероятно, ей не понравился мой вид.

— Ты чего, Сержик?.. — прошептала она, пытаясь ко мне прижаться.

Я выпрыгнул из постели и заметался по комнате, как заяц. Мне было непереносимо стыдно. Она с интересом наблюдала за мной.

— Где трусы?! — заорал я, хотя мне следовало бы крикнуть, в сущности: «Где часы?!»

— Тихо! Ребенка разбудишь, — недовольно проговорила она, кидая мне трусы.

Я поймал их и натянул с такой быстротою, будто от этого зависела моя жизнь.

«Жена…» — обреченно подумал я.

— Пить хочется, — сказал я первое, что пришло на ум, и потопал на кухню.

Там сидел неизвестный молодой человек и читал газету на английском языке. Его длинные волосы были заплетены в мелкие косички. Косичек было много. Они свисали с головы, как сосульки.

— Привет, — сказал я на всякий случай.

— Привет, — равнодушно отозвался он.

Я попил воды, чтобы хоть что-то предпринять. Не знакомиться же с ним, в самом деле? Наверняка он меня давно и хорошо знает.

— Пожрать есть чего-нибудь? — спросил я.

— Посмотри в холодильнике, — мотнул он головой.

Он никак не мог быть моим сыном. На вид ему было лет шестнадцать. Хотя все может быть. Акселерация за это время могла усилиться.

Я заглянул в холодильник. Он был заполнен в основном разного размера тюбиками, как зубная паста.

Я с недоумением взирал на них. Парень оторвался от газеты, тоже заглянул в холодильник и схватил большой тюбик, на котором было написано «Второе № 5». Он отвинтил колпачок, поднес тюбик ко рту и выдавил на язык нечто зеленоватое.

Я последовал его примеру. «Второго № 5» больше не оказалось, и я довольствовался «Первым № 7». По вкусу оно было похоже на гороховый суп.

— Паршивый тубус, — сказал парень, завинчивая колпачок.

Мне мой понравился. Я выдавил еще. Слизывая суп с губы, я вдруг ощутил, что мне мешает что-то

колкое. Ощупав лицо, я убедился, что это усы.

Усы меня доконали. Я испугался. Я понял, что мне никогда не восстановить событий прошедших шестнадцати лет.

Но времени на размышления не было. В кухню вдвинулся пузатый лысоватый мужик, тоже в одних трусах. Не без труда я узнал в нем Петечку, только весьма обрюзгшего и постаревшего.

Я обрадовался ему, как родному, хотя прежде особых симпатий не испытывал.

— Никита, марш спать! — приказал он парню.

Тот неохотно повиновался. Петечка уселся за стол напротив меня, с отвращением выдавил «Второе № 5» из тубуса в рот.

— Мяска бы сейчас… — вздохнул он. — Татьяна спит?

— Спит, — кивнул я.

За несколько секунд я получил бездну нужной мне информации. Никита был его сыном, это факт, следовательно, моим племянником, который полчаса назад стучал мне пяткой в ладонь изнутри живота, а Татьяна, без сомнения, — моя жена.

— Так ты решил? Будешь брать? — спросил Петечка, как будто продолжая прерванный разговор.

— Нет, пожалуй, не буду, — солидно ответил я, решив, что разумнее пока уклоняться от любых предложений. Зачем мне брать какого-то кота в мешке?

— Ну и дурак… — Петечка зевнул и почесал волосатый живот. — Тачка совсем новая, двадцати тысяч не пробежала.

Он поднялся и пошел к двери.

— Может, еще надумаешь?

— Посмотрим, — ответил я.

Оставшись один, я быстро осмотрел кухню, выдвинул ящики кухонного стола, заглянул в шкафчики. Ничего интересного. Успел заметить только свою старую любимую чашку. Встреча с ней была приятна.

Я вернулся в комнату. Жена спала, отвернувшись к стене. Я осторожно лег рядом, стараясь не разбудить ее. «Утро вечера мудренее…» — благоразумно подумал я, засыпая.

Однако утро оказалось не мудренее, а мудрёнее. На меня одна за другой посыпались загадки. Требовалось проявлять величайшую изворотливость, чтобы во мне не заподозрили самозванца.

Когда я проснулся, жены, слава Богу, рядом не было. Зато тут же прибежала девочка лет семи, с косичками и бантиками, и с криком «Доброе

утро, папочка!» бросилась меня целовать.

— Доброе утро, — сказал я. — Как тебя зовут?

— Даша… — удивленно протянула она, но тут же засмеялась, подумав, что я шучу.

Я тоже рассмеялся, хотя и не думал шутить.

Я накинул какой-то халат, оказавшийся маловатым, и прошмыгнул в ванную, стараясь, чтобы меня не заметили. Там я наконец разглядел себя в зеркало. Отвратительная усатая рожа. Недолго думая, я схватил бритву, помазок и мигом сбрил усы. Я брился впервые в жизни, поэтому слегка порезался.

Я догадывался, что мне в ближайшее время предстоит очень многое сделать впервые в жизни. Где часы, будь они прокляты?!

Я вышел из ванной, получил легкий нагоняй от жены за то, что надел ее халат, а также за сбритые усы и, обнаружив в шкафу мужскую одежду, подходящую по размеру, облачился в нее.

Когда я вышел на кухню, там уже кончали завтракать Петечка и Светка. Сестра очень изменилась, стала пышной дамой. Мне хотелось ее обнять, но я посчитал это неуместным.

Вдруг мною овладело беспокойство. Где же мама? Где отец? Я вдруг понял, что в нашей трехкомнатной квартире проживают теперь только

моя и Светкина семьи. Неужели родители… Нет, этого не может быть! Но не спрашивать же об этом!

Я наспех позавтракал, стараясь подавить беспокойство и жалуясь на головную боль. Светка с Петечкой убежали на работу. Я пока не понял, на какую. Однако меня больше занимало собственное место в жизни. Куда мне-то идти?!

— Отведи Дашку в школу, — распорядилась Татьяна. — Я тебя подожду.

Мы с дочерью вышли на улицу, и я повел ее в свою школу, рассудив, что Даша учится именно там.

Я угадал. В школе я заметил двух-трех знакомых учителей, правда сильно постаревших. Уже выходя из гардероба, столкнулся с Ксенией Ивановной.

— Сережа, здравствуй! — она обрадовалась.

— Здравствуйте, Ксения Ивановна!

— Давно тебя не видела. Как наши?

Ей-богу, я хотел бы это знать больше нее.

— Работают… — отвечал я со вздохом.

— Ну заходи как-нибудь ко мне, поболтаем. Сейчас некогда, — она поспешила по коридору все той же легкой походкой.

Я вернулся домой, хотя туда не хотелось. Татья-

на уже была при параде, ждала меня. Я получил четкие указания: купить после работы картошки и помидоров, захватил портфель, и мы вышли на улицу.

Оказалось, что у нас есть машина. «Жигули» неизвестной мне модели. Зачем же тогда Петечка предлагал какую-то тачку? Но этот вопрос уступил место другому. Я понял, что не умею водить.

— Голова раскалывается, — сказал я, дотрагиваясь до лба. — Может, ты поведешь? — рискнул спросить я, не уверенный, что моя жена умеет это делать.

Она пожала плечами и села за руль. Облегченно вздохнув, я устроился рядом.

— Завези сначала меня, — попросил я.

— А я пешком пойду?

— Нет, мне машина сегодня не нужна… («Мне она вообще не нужна, черт ее дери!» — подумал я в скобках.) Я на метро приеду.

— Как знаешь…

Она строила из себя обиженную. Вероятно, за то, что я вчера так поспешно смылся. А может, за усы. Ладно, это не самое главное! Сейчас работать надо.

Жена привезла меня к большому новому зданию. В него входили люди. Как назло, у дверей

не было никакой вывески. Я пошарил по карманам и нашел пропуск. Там, рядом с моею фотокарточкой, было написано, что должность моя — ведущий специалист, а отдел имеет номер семнадцать.

«Хотелось бы все-таки узнать — специалист по чему?» — не без злорадства подумал я.

Я чмокнул жену в щеку, посчитав, что так будет естественно, и смешался с толпой сослуживцев. Честное слово, я себя чувствовал гораздо хуже Штирлица в ставке Бормана. На всякий случай я кивал всем подряд. Многие отвечали мне тем же.

Вы никогда не пробовали искать свое рабочее место в учреждении, где вы служите? Смею заверить, что это занятие принадлежит к разряду увлекательнейших. Тем более когда на дверях нет ни единой таблички. Прошагав с деловым видом по однообразным коридорам нескольких этажей, я понял, что этот метод не годится. «Сейчас возьму и спрошу!» — мстительно подумал я. Но было неудобно.

Везде что-то докрашивали, подстругивали, подвинчивали. По всей видимости, наше учреждение только-только вселилось. Мне попался плотник с деревянным ящиком, откуда торчали

инструменты.

— Пожалуйста, зайдите в семнадцатый отдел, — дерзко сказал я. — У нас форточка не закрывается.

— Знаю, — проворчал он. — Дойдет очередь…

— Нет, пожалуйста, сейчас. Дует. — Я был непреклонен.

Он взглянул на меня с неудовольствием, повернулся и пошел по коридору обратно. Я последовал за ним.

Плотник привел меня в мой отдел. Он находился на втором этаже. В комнате стояли пять столов. Четыре были заняты сотрудниками: тремя женщинами и одним молодым человеком лет двадцати трех.

Я поздоровался…

— Здравствуйте, Сергей Дмитриевич! Вы мне ужасно нужны. Необходимо подписать письма. Петр Тимофеевич уже заходил, интересовался… — с ходу затараторила одна из женщин, самая молодая.

Я кивнул и сел за свободный стол. Плотник, ворча, приступил к форточке, которая и в самом деле не закрывалась.

Сотрудница положила передо мной письма, отпечатанные на машинке, и я расписался про-

тив своей фамилии, мысленно поздравив себя с началом трудовой деятельности.

— Как-то странно вы сегодня расписываетесь… — удивилась она.

— Все течет, все меняется… — пошутил я, с тоской вспоминая родной XX век и безмятежные школьные годы.

До обеда мне удалось установить, что начальник отдела Петр Тимофеевич сидит в соседнем кабинете, а в этой комнате я — самый главный. Тщательно обследовав стол под видом уборки, я обнаружил, что наш отдел занимается чем-то связанным с экспортом электродвигателей. В папках лежали контракты, протоколы, договора, многочисленные письма. На многих из них стояла моя подпись. Я узнал, как она выглядит, и стал тайком тренироваться. До обеда мне прислали еще четыре письма и два контракта. На телефонные звонки я попросил отвечать сотрудников, ссылаясь на ту же головную боль.

Но все это чепуха. Самое главное то, что я нашел часы. Они лежали в нижнем ящике письменного стола, под грудой папок, и были аккуратно запаяны по ободочку, так что раскрыть их не представлялось возможным. «Предусмотрительным стал, паразит!» — мысленно обругал я себя,

то есть того Сергея Мартынцева, который приготовил мне все эти сюрпризы. Вообще, я себе что-то не очень нравился.

Подгоняемый сердобольными соболезнованиями подчиненных, я перед обедом зашел к начальнику и отпросился, пожаловавшись на невыносимую головную боль. Очень хотелось представиться, я с трудом удержался от этого. Начальник был лет сорока, аккуратный, застегнутый на все пуговицы. Впрочем, я тоже.

Здесь все были застегнуты, как я заметил.

— Пожалуйста, Сергей Дмитриевич, идите лечитесь. Если расхвораетесь, полежите дома. Не забудьте только к понедельнику подготовить справку, — сказал начальник.

— Хорошо, — сказал я, сжимая в кармане часы.

Я вылетел на улицу, как на крыльях. Свобода! Захотелось мороженого и в кино. Интересно, что идет в кино в 2000 году? А что в магазинах? Но я вспомнил, что я теперь человек семейный, и отправился в овощной. Там были те же картошка и помидоры, что в XX веке.

Набив портфель овощами, я поспешил домой, чтобы продолжить свои исследования. «Кстати, неплохо было бы разыскать паяльник», — подумал я.

Ключ я нашел в кармане. Отпер дверь и быстро обежал квартиру, как вор. Мне повезло: дома никого не было. «А как же Дашка? — вдруг подумал я. — Уроки в первом классе давно уже кончились. Может, она на продленке?» Странно, что я подумал о ней. Впервые сегодня увидел. С другой стороны, дочь как-никак. Рассказать бы это Толику с Максом — померли бы от смеха!

Но мне было не смешно. Я методично принялся исследовать квартиру, надеясь добыть драгоценную информацию относительно второй половины прожитой мною жизни.

Я быстро обнаружил, что Светка с мужем живут в бывшей комнате сестры, мы с Татьяной — в моей, а наши дети обитают в бывшей комнате родителей, разделенной ширмочкой. Затем я приступил к детальному изучению своей комнаты.

Сразу бросился в глаза видеомагнитофон. Я приметил его еще утром, сомневаясь, не ошибся ли? Проверка подтвердила: видеокассетник, японский. Видимо, отец привез его из Японии уже после моего прыжка сюда. Видеокассет было довольно много.

Моего старого магнитофона не оказалось, зато звуковых кассет было полно, среди них и старые, известные мне. Гитар было две — акустическая

и электрогитара. Интересно, зачем она мне? Неужели я умею играть?

Из документов, обнаруженных в ящике стола, я установил, что наш брак с Татьяной зарегистрирован восемь лет назад. Ее девичья фамилия оказалась Бессонова. Я также нашел копию своего диплома. Профессия у меня была — экономист. Это еще куда ни шло. Мог ведь оказаться врачом. Выкрутиться было бы труднее, хотя если участковым — то можно. Они всем прописывают одно и то же.

Из многочисленных отцовских открыток я узнал, что папочка за эти годы еще трижды объехал весь земной шар. Это меня не удивило. Сведения были скудные, согласитесь. Главное, ничего о маме. Я стал перебирать видеокассеты, и тут мне повезло. Как видно, мой двойник или предшественник, не знаю, как его называть, — одним словом, Мартынцев, который жил здесь до меня, любил снимать на видеопленку памятные семейные события. На кассетах были карандашные надписи: «Рождение Никиты», «Никите годик», «Выпускной вечер», «Проводы в армию», «Свадьба» и так далее. Последней в этом ряду стояла кассета с надписью «Даша идет в школу». Она была снята три недели назад.

Я начал с нее. Полчаса ушло на овладение японской техникой. И вот на экране появилась Даша с букетом, рядом с ней Татьяна, а с другой стороны — мама! Вот счастье! Мама жива и здорова и выглядит почти так же! Я чуть не подпрыгнул от радости.

Быстренько просмотрев сюжет в ускоренном темпе, отчего вся моя семья прыгала и бегала на экране, как в фильмах Чаплина, причем раза два мелькнул и я — какой-то нелепый, чему-то радующийся, — я перешел к другим пленкам.

Я узнавал свое прошлое в ускоренном темпе. Бегали, смешно обнимаясь и позируя, люди на экране, среди которых я временами узнавал знакомые лица; уезжали поезда, взлетали самолеты… Какой-то чужой человек с моим лицом вводил невесту в зал Дворца бракосочетаний, выносил сверток с младенцем из родильного дома, получал аттестат зрелости…

Я вдруг подумал, что ничего этого уже не будет в моей жизни. Я уже проскочил.

Внезапно я увидел себя на сцене с гитарой. Я переключил скорость на нормальную. Я пел в составе ансамбля из четырех человек на каком-то студенческом вечере. Песня была мне незнакома. Потом на сцену вышел ведущий и сказал: «Группа

„Сальдо“ — Сергей Мартынцев, Владимир Ряскин, Роберт Арутюнян, Глеб Старовский».

Они опять запели. То есть мы запели. Песня была ничего, с душой. Мне понравилось.

Я прослушал концерт до конца. Пленка уже кончалась, как вдруг появилось изображение какой-то свадьбы — не моей, а другой, потому что свою я уже пробежал. У нас все было как у людей. Здесь же праздновали с излишней помпой, в потрясающем банкетном зале… Видимо, свадьба была записана раньше концерта, а потом стерта, так что остался лишь кончик с танцами. Я увидел себя — я был пьяный, неуклюже пытался танцевать. Наконец камера выхватила невесту и жениха. Я вздрогнул: это были Марина и Толик. Я выругался самым страшным ругательством, которое знал. Пленка кончилась.

«Надо искать паяльник, распаивать часы и двигать отсюда», — подумал я апатично. Но куда? Теперь было все равно — что вперед, что назад.

Хотелось увидеть маму. Но как ее разыскать? Я перелистал все записные книжки. Маминого телефона не было. Естественно, кто же записывает в книжку мамин телефон! Его знают на память.

Прибежал из школы Никита. Он был без косичек. Впрочем, тут же заплел их и переоделся с

явным намерением куда-то удрать.

— Ты бабушкин телефон не помнишь? Выскочило из головы, — сказал я.

— Нет, не помню, — он уже был в дверях.

— Странно. Ты разве не звонишь ей?

— А зачем? Она квартиру не хочет менять. Из-за нее живем тут как сельди в бочке!

— Что-то я не пойму. Да постой ты! Какую квартиру?

— Дядя Сережа, ты не заболел? Бабка не хочет менять прадедову квартиру. Не хочет ехать в однокомнатную. Вредина!

Он убежал.

Я тут же оделся и поехал по дедову адресу.

Мать встретила меня как-то равнодушно. Я даже опешил. Все казалось, что мне должны бросаться на шею после шестнадцатилетнего отсутствия. Может, мы с нею вчера виделись.

Но мы вчера не виделись, как вскоре выяснилось.

Я разговаривал с нею так, как вчера, на кухне, когда мы в последний раз ужинали вместе — там, в моей юности. Ее, кажется, это удивило. Она потихоньку меняла тон, будто оттаивала. Начала улыбаться, но как-то робко, еще не веря.

— Ты сегодня не такой, как всегда… — сказала

она.

— Почему?

— Разговариваешь по-человечески.

А мы пока разговаривали на простые темы: как здоровье, о Дашиной учебе… Тут я воспользовался видеофильмом, сюжет которого толково пересказал. Пришлось немного пофантазировать.

— Нет, ты сегодня совсем другой, — сказала она. — И усы сбрил. Правильно сделал, мне они совсем не нравились.

Я вдруг взял ее руку, поднес к губам и поцеловал.

— Помнишь, тут был порез? Уже зажило? — спросил я. — Ты чистила рыбу, потом мы сидели на кухне… И Никита толкался изнутри у Светки…

Мама заплакала:

— Господи, как давно это было. Неужели ты помнишь?..

Она поцеловала меня. Мне стало спокойно и хорошо, как в детстве.

— Мама, это было вчера…

— Да, будто вчера, ты прав…

— Мама, это правда было вчера.

И я стал рассказывать. Все с самого начала. Мать слушала сначала с беспокойством, но через

минуту лицо ее прояснилось — она поверила.

— Да-да… Смерть деда. Я тоже от нее веду отсчет. Очень многое после нее стало меняться. Ты резко изменился. Я приписала это переходному возрасту. Ты стал злее и циничнее. Почему-то был обижен на деда. Однажды в сердцах сказал, что дед тебя обманул.

Да, это бушевал в прошлом мой двойник, мой брат, мой однофамилец. Я улетел, а он остался. Он остался и решил, что часы на этот раз не сработали. Завод кончился. Наверное, он пытался прыгать еще и еще, но я прихватил с собой полюс гравитации, оставив ему лишь красивую оболочку — точную копию часов в пространстве прошедшего времени.

Неудивительно, что он запаял их со злости. Хорошо, не выбросил. Я вдруг с ужасом подумал, что мой двойник, оставляемый в прошлом, уже не может пользоваться волшебной силой часов, а значит, они теряют для него ценность. И в то же время исключительно от него зависит, где я найду часы при скачке в будущее. Сегодня нашел на службе, а ведь мог вообще не найти. Он вполне способен был их продать, например… Меня прошиб холодный пот от этой мысли. Чего-то я еще не понимал в механизме действия часов. А мама

и вправду уже разговаривала со мной так, будто мы не виделись шестнадцать лет. Она рассказывала мне мою жизнь, какой она ее наблюдала со стороны, и это было гораздо прозаичнее тех телевизионных праздников, которые показал мне видеомагнитофон.

В десятом классе я поступил в вечернюю музыкальную школу, а потом, уже в финансово-экономическом, стал играть в ансамбле. Я и сейчас в нем играю «на танцульках», как выразилась мама. Мы в том же составе — все уже взрослые люди — мотаемся по пригородам и играем на молодежных вечерах. За это хорошо платят. «Теперь понятно, на какие деньги я купил машину», — подумал я.

Вернувшись из армии, я устроился в свое учреждение. Мама не смогла точно сказать, как оно называется. «Электровнешторг…» и еще несколько обрубков слов — это не совсем точно. Меня устроил отец, пользуясь связями. Теперь я чиновник.

По словам мамы, у меня не осталось проблем в жизни, кроме одной — квартиры. Так же как у Светки. Мы с сестрой, а в особенности Петечка, требовали размена двух больших квартир — дедовой и нашей — на четыре маленьких. Но мать

не соглашалась.

— Постой, почему на четыре? — не понял я.

— Две вам и две нам с отцом.

— Как это?..

— Сережа, мы с отцом развелись сразу после твоего рождения. Мы уже давно чужие люди. Нас связывали только дети, а теперь вы выросли…

«Хорошенькие дела…» — подумал я.

— Эта квартира, — мать окинула взглядом дедовский кабинет, где все осталось на своих местах, — единственное, что сохраняет память о нашей семье. Жаль, что вы и ваши дети этого не понимаете.

Мама подошла к письменному столу, открыла ключиком средний ящик и вытащила толстую тетрадь. Я узнал ее, так как видел совсем недавно. Это были мемуары деда.

— Здесь кое-что написано для тебя, — мама протянула мне тетрадь. — Я многого не понимала, я же не знала о часах, а дед писал так, что непосвященный не догадается… Я еще не показывала тебе. То есть тому… Но он ведь тоже мой сын! — вдруг возмутилась мама. — Я считала, что он… ты… в общем, недостоин.

Я взял тетрадь, перелистнул ее. Страницы с обеих сторон были покрыты ровным бисерным

почерком деда.

— Мама, что же мне делать?

— Жить, Сережа. Просто достойно жить. Ты ведь еще не занимался этим по-настоящему. Ни в одном из вариантов.

Значит она считала, что те шестнадцать лет, которые провел на ее глазах мой благополучный двойник, тоже не были жизнью? Тогда чем же?

«Так испохабить собственную жизнь!» — в отчаянье подумал я.

— Где отец? — спросил я.

— Он в Бризании… Ах, ты же не знаешь… Это в Африке. Новое государство. Когда приезжает, живет здесь, в соседней комнате.

Мне необходимо было срочно все обдумать и прочитать мемуары деда. Я спросил, могу ли я остаться в комнате отца. Домой мне совсем не хотелось. Я боялся даже представить себе момент, когда нужно будет снова лезть под одеяло к жене.

— Смотри, Таня может рассердиться, — сказала мама, но я понял, что она рада.

— Понимаешь, ма… — я мучительно покраснел, не зная, как сказать ей об этом. — Я не умею… быть мужем.

— Вот оно что, — мама улыбнулась. — А я ду-

мала, ты уже научился в своих путешествиях по времени.

— Да вот как раз времени-то и не было… — я развел руками.

— Ну, это не самое главное для того, чтобы стать мужем, — мама стала серьезной. — Тут как раз совсем необязательно иметь голову на плечах. Хотя… голова нигде не помешает. Не волнуйся, Сережа. Ты сам не заметишь, как это произойдет.

«Хорошенькие дела…» — опять подумал я.

И все же я не очень стремился побыстрее перейти этот рубеж. Поэтому позвонил Татьяне и довольно сухо сказал, что заночую у матери, она неважно себя чувствует.

По голосу жены я понял, что она в полном недоумении. По-видимому, подобная чуткость была мне раньше не свойственна.

С волнением углубился я в мемуары деда, открывая для себя его жизнь, которая ранее была известна мне лишь в отрывках. Я читал жадно, надеясь уловить в написанном совет или хотя бы намек на то, как мне жить дальше. Для кого же писал дед, если не для меня? Я рассматривал его судьбу, все время помня о том, что в руках у него находилась волшебная вещь, имелась чудесная возможность каждую минуту изме-

нить ход своего существования и испробовать новый вариант судьбы. Но вскоре я почувствовал разочарование. Жизнь деда складывалась так, будто от него ничего не зависело. Начиная с девятнадцати лет она текла по строгим флотским законам, причем отсутствие выбора, казалось, совсем не тяготило его. Наоборот, он находил какое-то непонятное удовлетворение в исполнении приказов и предписаний, многие из которых казались мне идущими вразрез с его собственными желаниями.

Дед попал во флот по комсомольскому набору, когда учился на втором курсе юридического факультета университета. Выходило, что он совсем не намеревался стать моряком, а хотел быть юристом, однако никакого сожаления по поводу такого неожиданного поворота судьбы я не встретил на страницах его мемуаров.

После окончания военно-морского училища дед получил назначение на Крайний Север. Там он командовал тральщиком, потом эскадренным миноносцем. В этой должности его застала война.

Страница за страницей были посвящены описанию будничной флотской службы: походы, стоянки, ремонты, обучение молодых матросов,

учения, парады… О семейной жизни дед писал скупо. Фраза, посвященная появлению на свет моего отца, выглядела так: «Сын Дмитрий родился в июле сорок первого года, когда я не мог уделить этому событию должного внимания. Назван в честь деда».

И только тут, в описании первых дней войны, я обнаружил скрытое упоминание о том, что дед все-таки воспользовался часами. Цитирую:

«Война началась неожиданно для многих, хотя ее приближение ощущалось всеми. Я не был исключением. Мне казалось, что в запасе еще есть какое-то время — может быть, год или два. В начале мая мое судно встало на ремонт в доках базы. Первый день войны мы встретили со снятой для переборки машиной и полностью размонтированными торпедными аппаратами. Если бы знать за месяц, мы успели бы в аварийном порядке закончить ремонт. Однако я нашел способ достойно подготовиться к испытаниям. Уже на следующий день корабль вышел в море на боевое патрулирование».

Ясно, что за несколько часов вернуть на корабль разобранный дизель и восстановить вооружение невозможно. Дед вернулся на месяц назад, чтобы лучше подготовиться к войне. Это

был тот единственный в жизни случай, о котором он упоминал.

Кстати, насколько мне известно, он не сделал даже попытки за этот месяц эвакуировать семью в более надежное место, чем военный городок плавбазы, который уже в первые дни войны подвергся бомбардировкам врага.

Окончание войны дед встретил капитаном первого ранга, кавалером орденов Нахимова и Красного Знамени.

Затем он окончил Академию Генерального штаба, командовал крупными флотскими соединениями, преподавал, вышел в отставку, а в последние годы входил в Совет ветеранов.

Жизненный путь деда представлялся мне ясным и логичным, несмотря на то, что подчинялся железной необходимости воинских порядков.

Нельзя сказать, что он не делал в жизни ошибок. О них дед писал с беспощадной прямотой, но нигде в его мемуарах я не уловил намека на то, чтобы попытаться исправить ошибку с помощью имеющегося в его владении прибора. Это меня крайне удивило и даже раздосадовало, поскольку, на мой взгляд, свидетельствовало либо о его ограниченности, чему я не очень верил, либо о постижении им какой-то тайны жизни, в

которую я не был посвящен. Вслед за жизнеописанием, занимавшим б**о**льшую часть тетради, шли разрозненные по виду заметки, представлявшие собою результат наблюдений и размышлений. Привожу некоторые из них.

«Неизбежность смерти слабых людей приводит к бездействию, а сильных заставляет работать с удвоенной энергией».

«Как бы я жил, если бы начал жизнь сначала? Я много размышлял над этим, ибо имел разнообразные задатки, как всякий живой человек, и неизменно приходил к выводу, что прожил бы ее точно так же. Следовательно, я доволен ею, не так ли? Да, но только в том смысле, что не сделал в жизни ни одного поступка, противного моей совести, то есть прожил ее достойно. Сейчас, глядя смерти в лицо, я понимаю, что сознание достойно прожитой жизни есть главный и необходимый ее итог, а пережитые трудности, лишения, ошибки и неудачи лишь придают достоинству необходимую серьезность».

«„За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь“, — гласит народная мудрость. Она таким образом указывает на разумность погони за одним зайцем. Но стоит ли за ним гоняться? Жизнь — это не погоня за зайцем».

«Трижды я оказывался в ситуациях предельно критических: дважды на тонущем корабле и однажды, как ни странно, на ковровой дорожке одного кабинета. Все три раза я имел время, чтобы изменить ситуацию на более благоприятную, но ни разу не воспользовался этим. Почему? С судьбой нужно сражаться честно. Либо честно победить ее, либо так же честно умереть».

«Внуку. У людей в районе шеи, под кадыком, есть так называемая вилочковая железа. Тимус — по латыни. Она достигает наибольшей величины у грудных младенцев, к старости сходит на нет. Предполагают, что деятельность этой железы как-то связана со старением, с протеканием биологического времени жизни организма».

«Если бы смерти не было, ее следовало бы изобрести».

«Хотел бы я снова стать молодым? Как ни странно, нет. Люди, мечтающие о возврате молодости, не отдают себе отчета в том, что ее очарование заключается прежде всего в новизне ощущений, а не в избытке сил. Старость — понятие не энергетическое, а информационное. Начать жизнь сначала можно лишь молодым старичком».

«Необходимость прожитой жизни определяется не тем, насколько твоя судьба совпала с

собственными представлениями о ней, а тем, насколько совпала она с исторической жизнью народа того времени, когда ты жил».

Я закрыл тетрадь. Это было как приговор.

Достал он меня все-таки, мой дед. Из-под земли достал. Из покинутого мною пространства достал.

Все это он понял и рассчитал, не прибегая к эксперименту, задолго до того, как я начал свои прыжки и ужимки. А я, как последний дикарь, как трехлетний младенец, баловался блестящей игрушкой, считая себя исключительной личностью.

Моя судьба не совпадала ни с собственными представлениями, ни с исторической жизнью народа.

Да и что, собственно, было исторической жизнью народа в то время, когда я метался по пространствам? На этой ровной исторической поверхности не наблюдалось ни одной революции, ни одной индустриализации, ни одной войны… Судя по рассказам мамы и кадрам видеокассет, я прожил свою маленькую жизнь так же, как миллионы сограждан — в необременительной борьбе за благополучие, за наиболее полное удовлетворение моих растущих потребностей. Я

уже почти выиграл эту борьбу, если не считать квартиры. А мне только тридцать три года. Что же я стану делать дальше?

Несмотря на то что я жил так же, как большинство, что-то мешало мне признать мою жизнь эквивалентной исторической жизни народа. Но неужели отсутствие катаклизмов? Нет, это абсурдно. Отсутствие высоких целей и идеалов?

Но почему, бог мой, почему они были у деда? Откуда он их черпал? Откуда брал их его отец — профессиональный революционер и политкаторжанин? Неужели я настолько испорчен и себялюбив, что не желаю народу счастья, а борюсь только за свое — непогрешимое и бесталанное, как будильник? Где он — народ?!

Я со злостью отшвырнул тетрадь. Я был зол на деда. Зачем ему понадобилось искушать меня? Я прожил бы свою тихую жизнь как придется, не задумываясь о ее смысле. Теперь же приходится решать уравнение со многими неизвестными.

Я достал из кармана записную книжку и стал ее листать. Захотелось встретиться с друзьями, чтобы проверить, как они прожили этот период. Книжка меня поразила.

Она была устроена по функциональному принципу. Фамилии в ней практически отсут-

ствовали, записаны были лишь имена, изредка с отчествами. Вместо фамилий имелись краткие пояснения; к какой сфере принадлежит абонент. Род занятий и оказываемых услуг. Почему-то эти слова тоже были написаны с заглавных букв.

Коля Джинсы, Марк Петрович Колбаса, Елена Сергеевна Зубы, Аллочка Авторучка, Надежда Тимофеевна Билеты, Саша Зонт, Николай Иванович Запчасти.

Или же другая группа: Миша Внешторг, Галочка Министерство, Семен Трофимович Референт.

Встречались абоненты, не поддающиеся никакой расшифровке. В основном женщины. Вера Адлер, Лена Белые Ночи, Люсенька Телогрейка и даже Эльвира Гоп-со-смыком..

Решительно потряс меня Иван Иванович Бубу. Я решил, что это какой-то неизвестный мне вид услуг или продукт, появившийся в самом конце двадцатого века, и неожиданно позвонил по его номеру. Трубку поднял мужчина.

— Слушаю.

— Иван Иванович?

— Он.

— Это Сережа…

— М-м…

— Мартынцев.

— Извините, не припоминаю. Вы чем, так сказать, богаты? Чему мы, так сказать, рады?

«Чем же я богат? — подумал я. — Экспортными электродвигателями? Танцами?.. Скорее танцами».

— У нас ансамбль, — сказал я.

— Ах, «Сальдо»! Так бы и сказали. Пока ничего нет.

— А когда будут?

— В следующем квартале. Звоните.

Он повесил трубку. «Бубу будут в следующем квартале», — меланхолично подумал я и набрал номер Макса. Он значился в записной книжке под своей настоящей фамилией. Я волновался. Как меня встретит старый друг? Ответил мне женский голос. Я узнал маму Макса.

— Здравствуйте, Ольга Викторовна. Это Мартынцев.

— Сережа? — удивленно спросила она после паузы.

— Максим дома?

— Да… Сейчас я позову.

Трубку довольно долго никто не брал. Затем послышалось шуршание, и голос Макса произнес четко и сухо:

— Я же сказал тебе, чтобы ты не звонил. Нам не

о чем разговаривать.

Вслед за этим последовали короткие гудки.

Я повесил трубку, разделся и лег спать на отцовском диване, где мама уже приготовила мне постель.

Я долго не мог заснуть. Смотрел на политическую карту мира, будто светящуюся в темноте комнаты на противоположной стене.

«Чужое… Чужое пространство…» — повторял я про себя, уже зная, что останусь в нем надолго, может быть, навсегда, потому что после всего, что я узнал, я не мог себе позволить удрать из него в лучшие пространства и времена. Необходимо было жить тут, пытаясь по мере сил исправлять ошибки предшественника.

Я был готов его убить, то есть убить себя, растерявшего за каких-нибудь шестнадцать лет друзей, высокие порывы и идеалы юности. Мне показалось, что тихо улизнуть в другое пространство было бы подлым по отношению к Сергею Мартынцеву, который здесь сильно помельчал и омещанился. Как-никак я отвечал за него, ведь он был моим двойником. Я решил ему помочь.

Утром я отправился на работу с твердым намерением начать новую жизнь. На этот раз без помощи часов, по собственной инициативе.

Я проработал до обеда, еще раз убедившись, что служба моя вполне посильна для человека с незаконченным средним образованием, каковым я по сути и обладал. Я даже принял какую-то делегацию и весьма толково заключил контракт на поставку электробритв в какую-то страну, появившуюся в мире на рубеже веков.

После обеда я пошел к начальнику отдела и положил на стол заявление об уходе.

— Не понимаю вас, Сергей Дмитриевич, — он прочитал заявление и поднял на меня глаза. — Вам что-нибудь не нравится?

— Да.

— Что же? Оклад? Режим? Отношения?

— Я, — сказал я.

— Не понял?

— Я себе не нравлюсь.

Он подумал, отложил заявление:

— Директор будет возражать.

— Но я ведь имею право, не так ли?

— Право — это право, а долг — это долг. Подумайте, — сказал он, давая понять, что разговор окончен.

На следующий день мне приказом прибавили оклад, а начальник в разговоре объяснил мне, что мой уход сейчас крайне несвоевременен,

поскольку учреждение только что пережило реконструкцию, переезд, так что не стоит увеличивать организационные трудности. Я продолжал подписывать бумаги и принимать делегации. Попытка начать новую личную жизнь также закончилась полным провалом.

Во-первых, для начала мне все-таки пришлось стать мужем Татьяны. Мама оказалась отчасти права: это не потребовало особых умственных усилий, хотя было зрелищем смешным и жалким, если бы кто-нибудь смотрел. Как ни странно, моя жена вдруг переменила ко мне отношение, стала ласковой, мягкой и даже красивой, черт возьми! Она стала мне нравиться больше. А сама так просто влюбилась в меня без памяти, все время повторяя, что этого она ждала очень долго. Я никак не мог взять в толк — чего она ждала?

Разговаривать после всего этого о разводе было просто глупо. Зачем? На каком основании?

Во-вторых, Дашка. Я почти с ужасом стал замечать, что с каждым днем эта незнакомая, но симпатичная девочка буквально внедряется мне в душу, занимая там все больше места. Лишенный в детстве отцовского внимания и просто общения с отцом, я теперь будто исправлял его ошибку, отдавая дочери все свободное время.

Это обстоятельство тоже не могло не укрепить семейную жизнь, тогда как я намеревался ее разрушить.

По существу, новую жизнь удалось начать лишь в одном пункте: я перестал быть членом ансамбля «Сальдо», поскольку не умел играть на гитаре, а там это было совершенно необходимо. Мне пришлось выдержать неприятный разговор с коллегами и даже заплатить им неустойку за те концерты, которые уже были назначены.

Естественно, это не могло пройти незамеченным в семейной жизни. Потеря весомой прибавки к зарплате плюс неустойка снова отодвинули от меня жену, чему я был, честно говоря, рад. Меня уже начинали раздражать ее ласки.

Короче говоря, эффект был незначительный. Сергей Мартынцев всячески сопротивлялся моему вмешательству в его жизнь. Он устроил ее весьма прочно, с надежной круговой обороной.

Поняв, что грубым наскоком я ничего не добьюсь, я решил потихоньку видоизменять свою жизнь в сторону улучшения. Для начала нужно было вернуть старых друзей. Задача осложнялась тем, что я не совсем четко представлял, из-за чего мы расстались. Относительно Толика и Марины еще можно было догадаться. Вероятно, мне было

тягостно поддерживать отношения с бывшим приятелем и его женой, которая когда-то была моей первой любовью. Но что нарушило нашу дружбу с Максом?

Я набрался духу и поехал к нему. За те несколько недель, что прошли с момента моего прыжка, ни Макс, ни Толик, ни Марина ни разу мне не позвонили.

Максим открыл мне дверь. Он был в расстегнутой старой рубашке и трикотажных спортивных брюках. С первого взгляда я понял, что друг мой сильно переменился. Вместо веселого, уверенного в себе человека, признанного лидера и баловня судьбы на меня смотрел нервный, подозрительный субъект с взъерошенными волосами и взглядом отпетого неудачника.

— Пришел? — с вызовом сказал он.

— Пришел. Пустишь? — сказал я как можно дружелюбнее.

Он дернул плечом:

— Проходи.

Я зашел в квартиру, где не раз бывал в юности. В ней царило запустение. Прежний уютный дом превратился в сарай, где без всякого смысла и порядка раскиданы были предметы мебели и гардероба. Посреди прихожей валялся спущен-

ный футбольный мяч, морщинистый, как урюк. С голой лампочки свисала серебристая мишура, оставшаяся, по всей видимости, с празднования прошлого Нового года. На пыльном зеркале пальцем было написано: «Я пошел в кино». В комнате было не лучше.

Я уселся на продранный диван, утонув в нем почти до пола, причем в меня со стоном впилась изнутри железная пружина. Максим уселся на стул верхом и сложил руки на спинке. Я почувствовал, что он давно желал этого визита, но боится уронить достоинство.

Разговор был трудным. Я продвигался в нем ощупью, как в темной комнате, где когда-то бывал, но давно позабыл обстановку. Постепенно, с трудом в моей голове складывалась картина жизни Максима с той поры, когда мы разошлись во времени.

Началом всему было то злосчастное лето, когда мы уехали в КМЛ, а он отправился в Карпаты по туристической путевке. Перед отъездом у них с Мариной произошел серьезный разговор, насколько он может быть серьезным в шестнадцать лет.

Впрочем, именно в шестнадцать лет он может быть наиболее серьезным по сути, определяю-

щим дальнейшую судьбу.

Вернувшись, он обнаружил большие перемены. Выяснилось, что после моего объяснения с Мариной, когда она дала мне пощечину, ее вниманием ухитрился завладеть наш приятель Толик. Оказывается, мы с Максом дрались в классе, в начале нашего последнего учебного года. Выгоды из этого опять-таки извлек Толик. Потом мы вроде бы помирились, но трещинка осталась. Вдобавок на Макса накатилась полоса неудач, к которым он не был готов.

Макс неожиданно не поступил в университет на филологический, и его взяли в армию. Это было для него большим ударом. Он привык быть удачливым, привык брать нужное ему не задумываясь, будто имел на это бессрочное разрешение. Оказалось, что срок существует и кончается с выпускным балом. Дальше все стало даваться Максу с трудом, к которому он не привык.

Когда он вернулся из армии, Марина была уже замужем, я заканчивал экономический институт, а ему предстояло начинать все с начала. Из лидера он превратился в аутсайдера. Он опять недобрал на филфак, пошел работать, и тут у него умер отец…

Я складывал хронологически биографию Макса

из догадок, недомолвок и намеков. Постепенно мое смирение и желание восстановить дружбу помогли ему расслабиться. Наш разговор больше стал напоминать его исповедь.

— Она сломала меня, понимаешь? Никогда не думал… Главное, как я потом понял, не то, что мы расстались. Главное, что она Толика выбрала! — с горечью говорил Макс, наклонив стул вперед, так что он опирался на пол двумя ножками. — Вот где меня заело! Если б хоть тебя!

— Спасибо, — улыбнулся я.

— Что — спасибо! Скажешь, вы с Толиком могли мне что-то противопоставить? Объективно, а? Особенно он. Жлоб — он и есть жлоб. Но как она могла?!

Я тоже не понимал, как она могла, но я знал меньше. С внезапной смертью отца рухнул дом, мать заболела. Максим ухаживал за ней, а жизнь катилась дальше, и его старые друзья, то есть мы, все дальше уходили от него: строили семьи, рожали детей, получали квартиры и должности. Макс потерял уверенность в себе, доверие к женщинам, стал мнителен и излишне амбициозен.

Окончательный наш разрыв, как я понял, произошел около года назад, когда я предложил ему новое место работы, весьма заманчивое, куда

мог бы устроить его по протекции. Макс уловил нотки покровительства, вспылил, наговорил мне кучу колкостей и обиделся навсегда.

Я вдруг понял, что в ломке и этой судьбы приняли участие дедовы часы. Ниточка тянулась из юности, беря начало в моем тщеславном желании испытать варианты жизни.

Между тем период влюбленности у жены, вызванный, как я полагаю, моей юношеской непосредственностью, закончился. Непосредственность перешла в посредственность. Учитывая существенную потерю в заработке, это оказалось весьма существенным.

Шли дни, текли недели, и я все больше убеждался, что живу с абсолютно чужой женщиной, которая к тому же недовольна произошедшими со мною переменами. Я скучал в кругу наших общих знакомых, находя их разговоры глупыми или мелочными, я перестал гоняться за вещами, чему ранее посвящал много времени, я стал опускаться, как она выразилась. Татьяна сказала, что я пошел по пути Максима.

Мой друг работал переводчиком технической литературы в издательстве, имел скромный заработок и совершенно не следил за собой. Свое свободное время он посвящал исследованиям по

старой испанской литературе. У него на столе стояла черная металлическая статуэтка Дон Кихота.

После нашего примирения он стал бывать у нас, вызывая дополнительное неудовольствие жены. Мы вспоминали юность, тщательно обходя по молчаливому уговору Марину и Толика. Мне уже было известно, что у них двое детей, Марина работает художником-модельером, а Толик вертится по административной части.

Очень скоро моя семейная жизнь стала напоминать ад. Обычно я приходил домой около шести, удачно оформив очередной контракт на продажу партии вентиляторов или полотеров. К этому времени дома все были в сборе. Я входил в собственную квартиру как в зоологический сад с беспривязным содержанием зверей. Укрыться было совершенно негде. Лишь один домашний доверчивый зверек — моя Дашка — подходил ко мне и лизался. Остальные были дикими зверями. Они так и норовили укусить.

Моя сестра стала за эти годы заместителем директора по производству в одном научно-производственном объединении, выпускающем промышленные роботы. Я не подозревал, что в ней столько деловых качеств. Она часто говорила про план, премиальные, внедрение, сетевое пла-

нирование и стимулирование. Моя жена ее за это презирала. Сама она была женщиной светской, не чуждой художественных устремлений. Среди ее знакомых попадались режиссеры, художники и литераторы.

Петечка, как мне кажется, нигде не работал, но функционировал с бешеной энергией по части купли-продажи одежды, мебели и вообще всякой всячины, в чем ранее участвовал и я, то есть мой предшественник в этой семье. С Петечкой и его делами я порвал быстро и решительно, правда, с небольшим общесемейным скандалом.

Меня тайно поддерживал Никита, который ни в грош не ставил своего отца и интересовался лишь видеофильмами и аэробными девушками.

Аэробика вообще процветала. Ее любителей и любительниц можно было встретить везде: на улицах, в магазинах, в троллейбусах. С маленькими магнитофончиками на шее и стереонаушниками на ушах они беззвучно дергались, как марионетки, иной раз в самом оживленном месте. Имелись коллективные системы аэробики, когда от одного магнитофона тянулся шнур со многими парами стереонаушников. Желающие могли подключиться к нему ушами и бились, точно под током, в едином ритме, связанные

одной ниточкой.

Это рассматривалось как форма общения.

Я же общался с Дашкой. В выходные мы уходили на острова и бродили там в относительной тишине и спокойствии.

— Папа, расскажи про древность, — просила она. Для нее древностью была середина прошлого века. Я рассказывал про войну, опираясь на мемуары деда, потом переходил к временам, которые помнил сам.

Я бы давно улетел из этого пространства, если бы можно было прихватить Дашку с собой. Кстати, часы я все-таки распаял и снова повесил на шею.

Вы спросите, какова была международная обстановка в том будущем, куда я попал? Обстановка была сложная.

Вы спросите, как одевались и чем питались в то недалекое время? Одевались разнообразнее, питались однообразнее. Вы спросите, стали ли лучше люди? Нет.

Но и хуже они не стали. Люди оставались людьми во все времена. Надо сказать, что я адаптировался к новому веку на удивление быстро. Внешние новшества меня не занимали. Я приглядывался к моим постаревшим современникам,

старяясь решить вместе с ними и за них один и тот же вопрос: зачем я живу? Не знаю, возможно, наличие часов и перебор вариантов делали этот вопрос для меня острее. Но я вдруг понял, что знаю, как не хочу жить, и в полном неведении относительно того — как хочу.

Я не хотел жить бесцельно и вяло, я хотел двигаться куда-то, проходить осмысленный путь. Я хотел иметь то ощущение достойно прожитой жизни, о котором писал дед.

Однако проходили месяцы, а ничего не менялось. Не считать же изменениями то, что мы переехали к маме на дедовскую квартиру, оставив Светку и Петечку в нашей? Теперь перевес в борьбе за себя был на моей стороне, ибо Татьяна осталась в одиночестве перед жизненными принципами, которые отстаивали мама и я. Собственно, это были принципы деда.

Я уже стал смиряться с тем, что придется жить с Татьяной и впредь, как в один прекрасный день жена ушла от меня, забрав с собой Дашку.

Нет, она не улетела в другое пространство. Она переехала на соседнюю улицу к оператору научно-популярного кино, который в это время снимал фильм о времени и пространстве.

Ей-богу, я мог бы рассказать жене и о том, и о

другом гораздо больше, чем любой оператор.

Жизнь совсем остановилась.

Мать получала пенсию, я — зарплату, которая отличалась от пенсии лишь размером. По воскресеньям приходила Даша. Она была вежлива. Дважды в неделю по вечерам приходил Максим. Мы с ним играли в шахматы.

Я ходил на футбол и хоккей. Правила той и другой игры не претерпели никаких изменений.

«Ну и часики! Ай да часики!» — мысленно восхищался я часами, временами вытягивая их из-под жилета. Я носил жилет.

Наконец из Африки вернулся отец. Мы встретились как чужие. Он был недоволен изменениями в моей семейной жизни, а также тем, что я теперь живу за стенкой. Так мы и существовали в разных комнатах одной квартиры, три обособленных и когда-то родных человека: мать, отец, сын.

Промелькнул год. Ничего не происходило. Отец уехал в Швейцарию. Я продавал насосы в Алжир. Мать ходила слушать оперы в Мариинку.

Наш шахматный счет с Максом выражался соотношением 957:944. Лидировал Макс.

И тут я прыгнул, как в лестничный пролет, еще на пятнадцать лет в сторону удаления от Рождества Христова.

Это было именно так. Что-то зрело во мне и вдруг прорвалось в одночасье. Помню, когда я взялся за головку часов, мне было решительно все равно, в какую сторону переводить календарь. Сзади я уже был, а впереди еще нет. Я полетел вперед.

Меня утешала мысль, что тот Сергей Мартынцев, которого я оставляю вместо себя, уже не будет прохиндеем и дельцом, а останется, как я надеялся, добропорядочным, но несколько скучноватым холостяком, доживающим до пенсии.

Я решил сократить этот путь, уверенный, что пропустить пятнадцать лет такой жизни — все равно что проспать лекцию о пенсионном обеспечении колхозников. Никто не заметит — ни ты, ни лектор, ни окружающие.

Совершив процедуру с часами, я оказался в автомобиле, который вез меня по городу. На мне был солидный костюм и шляпа. Рядом на сиденье стоял портфель.

Впереди с шофером ехал молодой человек, относящийся ко мне почтительно. Потом я узнал, что это мой референт.

В этом пространстве все оказалось проще, чем в предыдущем. Мне даже не нужно было говорить. За меня говорил референт. Он вел себя как

рыба-лоцман рядом с акулой: то забегал вперед, открывая двери и представляя меня кому-то, то оказывался рядом, готовый выполнить любое распоряжение, то отставал и оказывался в тени, как бы подчеркивая этим, что он выполняет сугубо черновую работу.

Итак, я очутился в начальниках какого-то учреждения и некоторое время руководил наобум, полагаясь целиком на референта. Часто приходилось сидеть в президиумах и зачитывать речи. Пешком я уже не ходил, вероятно, поэтому обнаружил у себя изрядное брюшко и плешь на макушке.

В личной жизни тоже произошли перемены. Во-первых, моею женой снова оказалась Татьяна. Во-вторых, Даша не жила с нами, а находилась почему-то в Тюмени, где работала и жила в общежитии. Как выяснилось, она ушла из дому семнадцати лет, сразу после окончания школы. Мы с Татьяной занимали роскошную трехкомнатную квартиру.

Мать и отец были уже совсем старенькими, жили там же, в дедовой квартире, и вроде бы опять сошлись, во всяком случае, вели общее хозяйство.

Это единственное, что понравилось мне в этом

пространстве, если говорить о семейных делах.

Я понял, что мой двойник, оставленный на рубеже веков, все же дрогнул и пошел по проторенному пути. Нельзя было оставлять его так надолго. Слишком мал был у него запас юношеских сил и принципов, которые я сумел в него вдохнуть. Жизнь потихоньку взяла свое, он образумился — именно так это выглядело со стороны — и начал делать карьеру, правда не прибегая к особенно подлым методам, в основном за счет усердия в работе.

Но я все равно никак не мог мириться с его нынешним положением, хотя, думаю, застал его на жизненном пике. И снова я предпринял попытку помочь ему стать человеком.

Я начал с того, что стал ходить на работу пешком, как все люди. Или ездить в автобусе. Это вызвало форменную панику среди референтов и секретарей. Поначалу меня сопровождала машина, которая медленно следовала за мной на всем пути от дома до службы. Я стал хитрить и играть с нею в прятки, пользуясь проходными дворами. Согласитесь, что начальник учреждения, бегущий трусцой проходными дворами мимо мусорных бачков, вызывает в лучшем случае недоумение.

Немного пообвыкнув и разузнав, какого рода деятельностью занимается наша контора, я стал сам говорить речи на собраниях, не обращая внимания на текст референта. Это вообще произвело эффект разорвавшейся бомбы. Приближенные шарахались от меня, как от зачумленного, зато рядовые сотрудники стали улыбаться при встрече и здороваться дружественно.

Нечего и говорить о том, что я обедал теперь в общей столовой, стоя в общей очереди с подносом, запретил Татьяне пользоваться служебной машиной и принимал сотрудников по личным вопросам в любое время, а не от четырех до пяти по вторникам.

Мой демократизм не знал удержу.

Молодой референт стал ледяным. Его непроницаемый взгляд говорил только о том, что я рехнулся. Татьяна тоже задергалась, тащила меня в санаторий и намекала, что в прошлом у меня уже наблюдались странные аномалии в поведении.

Слух о внезапном сумасшествии начальника распространился мгновенно. Самое обидное, что в него поверили все — даже рядовые сотрудники.

Кончилось тем, что меня сняли и кинули заведо-

вать Дворцом бракосочетаний, ибо медицинское обследование не подтвердило психопатологии.

Перед новым назначением мне дали отдохнуть. Я попытался разыскать Максима, но он словно в воду канул. Мама сказала, что лет шесть назад Максим похоронил свою мать и уехал куда-то на Дальний Восток. Писем от него не обнаружилось.

Татьяна снова стала собирать вещички, со слезами упрекая меня в изломанной жизни. Это было достаточно скучно. Я взял билет и полетел к Дашке в Тюмень.

Забыл сказать про часы. Все эти годы они хранились у мамы, на том же дедовском письменном столе. Улетая в Тюмень, я прихватил их с собой.

В Тюмени я остановился в гостинице, а вечером отправился в общежитие. Это был обыкновенный жилой дом с квартирами. В каждой, занимая отдельные комнаты, жили молодые специалисты. Даша закончила нефтехимический институт и работала здесь по распределению.

Я боялся, что дочь меня не узнает. Прошло шесть лет, как она рассталась с нами, и с тех пор мы виделись очень редко, если верить моей жене.

Мне открыла маленькая симпатичная девушка

с твердыми смуглыми щечками и раскосыми глазами. По виду татарка. Она вежливо улыбнулась мне и постучала в дверь к моей дочери.

— Даша, к тебе…

Даша возникла на пороге — молодая, красивая, с толстой золотой косой, перекинутой через плечо. Я задохнулся. Меня, будто горячим воздухом, обдало моей непрожитой юностью, и от этого на глаза навернулись слезы. Я плакал от жалости к себе, от того, что мне никогда не испытать уже заманчивого таинства надвигающейся жизни, предчувствия любви и утрат.

— Папа… — сказала она.

— Я уже не начальник, — попытался улыбнуться я, но слезы застили глаза. Боясь уронить их, я шагнул к ней и обнял. Слезы быстро скатились по щекам, оставив обжигающий след, и упали ей на плечо.

— Помнишь ту собаку, — говорила она, сидя на тахте с поджатыми под себя ногами и задумчиво расплетая косу.

Я помнил ту собаку. Я видел ее совсем недавно в том пространстве, откуда прибыл, на Каменном острове, возле поваленной липы.

Собака приходила туда каждое воскресенье, когда Татьяна разрешала мне погулять с Дашей.

Это была бездомная дворняга неопределенной масти, которая встречала нас, виляя хвостом, на одном и том же месте в определенный час. Мы приносили с собой ее миску, а в пакете — еду, устраивались на поваленном дереве и наблюдали, как собака ест. Она вылизывала миску и благодарно смотрела на нас. Потом мы прогуливались по берегу, следя за легкими байдарками и каноэ, скользящими по Невке.

Не знаю почему, но всякий раз, оглядываясь на ту собаку с моста, чтобы послать ей прощальный привет, я чувствовал себя таким же бездомным, как она.

Так получилось, что мы с Дашей снова и снова возвращались воспоминаниями в тот год, когда я прыгнул к ним из юности и познакомился со своею семьей. У меня просто-напросто не было других воспоминаний, но странно, что их не было и у Даши. Раннее детство она вообще не помнила, а то, что произошло после моего возвращения на путь истинный, как выражалась Татьяна, вспоминать не хотела. Семья формально склеилась, научно-популярный кинооператор канул в небытие, но дочь я потерял.

Теперь я вновь завоевывал ее доверие в тюменском общежитии, в краю нефти и газа, о которых

знал лишь понаслышке. О матери Даша спрашивала вяло, из вежливости.

Зато она сильно оживилась, когда я рассказал ей о своих подвигах в конторе. Сначала не поверила, посмотрела на меня с недоверием. Но потом глаза ее заблестели, она засмеялась, откинув голову назад, а я, довольный ее вниманием, с радостью изображал в лицах, как я убегал от персональной машины или менял местами президиум и участников собрания.

Однажды я и вправду проделал такой опыт, перед самым медицинским обследованием. На собрании, посвященном Женскому дню, я усадил начальство на сцене в три ряда, а стол, покрытый красной скатертью, трибуну и микрофоны установил в зале.

— Ты совсем впал в детство… — отсмеявшись, сказала Даша.

Она немного ошиблась. Я выпал из детства прямо сюда, в так называемую зрелость.

Несколько вечеров подряд я провел в общежитии молодых специалистов за разговорами, чаем и песнями под гитару. Мода на громкую музыку и аэробику уже давно прошла, песни стали теплее и человечнее. Конечно, я воровал у детей недоставшуюся мне молодость, оттого было немного

стыдно.

Я почти влюбился в Дашину подругу Альфию, в ее маленький носик и прямую черную челку. Я уже серьезно подумывал о том, чтобы остаться здесь, в Сибири, и хотя бы последний отрезок жизни прожить как все нормальные люди. На пятый день пришла телеграмма от матери: «Умер отец».

В гостиной дедовской квартиры еще дотлевали поминки, еще витали в воздухе сбивчивые мемуары ветеранов, а мы с мамой и Дашей уже уединились в кабинете отца, решая, как мне быть дальше.

Даша прилетела со мною из Тюмени. В самолете я рассказал ей историю часов.

— Странно… — задумчиво сказала она. — Получается, что ты мне чужой. А я помнила тебя таким, каким ты был, когда я ходила в первый класс, и все эти годы думала, что это и есть настоящий ты. Оказывается, ты прилетал ненадолго…

— Правильно думала. Это и был настоящий я. Все остальные не в счет.

— С остальными я жила, — возразила она. — А ты прилетал как праздник… Такой же юный и непосредственный…

Даша сидела в любимом кресле деда и забав-

лялась с часами. Они опять ничего не весили. Приклеенный когда-то пятак затерялся где-то во временны**х** пространствах. Даша отпускала часы и легонько дула на них, отчего они плыли по воздуху, как плоский мыльный пузырь.

— Как быстро все прошло… — вздохнула мама. — Но не это обидно. Не получилось — вот что главное. Не получилось…

— Ты преувеличиваешь, — сказал я. — У тебя стройная жизнь, мне бы такую. Чего не получилось?

— Семьи не получилось, Сережа. Мы все отдельно. От этого наши беды.

— Возьми их и начни сначала, — я указал на часы.

— Нет, я уже не смогу, — покачала головой мама. — Снова встретиться с отцом, помня об этих поминках… Нет, нет!..

— Ты можешь встретить кого-нибудь другого, а отцу отказать, — настаивал я с упорством, за которым скрывались мои тщетные попытки хоть что-нибудь понять в жизни.

— Нет. Это предательство, — тихо сказала мама.

— Но почему же? Почему?! — не выдержал я. — Вы прожили врозь почти всю жизнь. Вы не

сошлись — не знаю уж чем! Зачем повторять эксперимент сначала?

— Во-первых, я ничего не собираюсь повторять, — холодно сказала мама. — Во-вторых, мы любили друг друга. Понимаешь? По-настоящему. А семьи не вышло. Так тоже бывает. Я не имею права искать свое новое счастье без него. Он мне не простит.

Даша думала. Часы плавали у нее над головой, отсвечивая золотом как легкий нимб. Если бы наш разговор слышал кто-нибудь из ветеранов, собравшихся в соседней комнате, он подумал бы, что мы сумасшедшие.

— Тогда я отдам часы Даше, — сказал я. — Как знать, может быть, ей они еще пригодятся.

— Спасибочки! — сказала дочь. — После всего, что я о них наслышалась! Нет уж… — и она толкнула часы в мою сторону.

Они поплыли по комнате, как снаряд, целящий мне прямо в сердце. Я перехватил их и сжал в руке с такой силой, будто хотел раздавить.

— Оставь их себе, Сережа, — сказала мама. — Каждый должен нести свой крест. По-моему, ты еще не испытал всего, что тебе суждено.

— Да, видимо, так, — сказал я, нащупывая на оболочке кнопочку открывания крышки.

— Пойдем к гостям, Даша, — сказала мама.

Они обе подошли ко мне и расцеловали, как перед дальней дорогой. Я снова остался один. Щелкнул замочек часов, и я увидел циферблат…

Безумно грустно покидать пространство, с которым ты успел сродниться. Эти разлуки равносильны смерти. Уезжая надолго, быть может навсегда, человек не воспринимает это «навсегда» как нечто абсолютное, потому что остается в том же мире, в пространстве тех же измерений, что другие. Он может вернуться к близким в принципе, даже если обстоятельства судьбы или эпохи делают возвращение невозможным.

У меня не было такой принципиальной возможности. Каждый раз я улетал навсегда. Каждый раз, возвращаясь, я возвращался другим. Мое абсолютное «я» оставалось неизвестным моим родным, они каждый раз видели его относительную оболочку — очередного Сергея Мартынцева, который был для них единственным, но на самом деле являлся лишь частичкой абсолюта.

Сейчас, помедлив несколько секунд и произведя манипуляцию с часами, он вернется в гостиную и сядет за поминальный стол, а тот, абсолютный, который и есть настоящий я, умчится в иные сферы опыта.

Куда же я бежал теперь? Чего хотел?

Я хотел найти свою истинную жизнь, то есть такую, которую мог бы полюбить после всего, что мне пришлось испытать. Я понимал, что найти такую жизнь путем случайных прыжков в другие пространства невозможно. Слишком много вариантов судеб разбросано там, слишком много…

Те варианты, что испытал я, были не лучше и не хуже других. Но везде, в любых временах, я обнаруживал одно пугающее обстоятельство — отсутствие любви.

В этом была причина несчастий и одиночества моих близких. В этом была причина бесцельности и скуки моих жизней.

Все варианты, которые я испытал, росли из одного ствола. Они росли из детства, куда я никогда не возвращался, боясь надолго утерять часы. Теперь меня уже не интересовало обладание ими. Я достаточно наигрался. Меня притягивал тот момент жизни нашей семьи, когда мать с отцом еще любили друг друга. Еще любили друг друга…

Мать сказала, что они разошлись, когда мне было пять лет. Значит, все остальные годы они делали вид, что любят друг друга, и жили вместе, чтобы не огорчать детей — меня и Светку. Вот почему отец колесил по земному шару!

И все равно они не добились своей цели, потому что нельзя делать вид, что любишь. Можно только любить.

Вся наша разобщенная ныне семья росла из того корня, когда мать с отцом еще любили друг друга. Еще любили…

А потом перестали любить — и дерево зачахло, превратилось в отдельные побеги, не связанные друг с другом.

Я вернулся на сорок лет назад. Менее чем в секунду я превратился из солидного мужчины, уже начавшего стареть, с залысинами и брюшком, в пятилетнего мальчика с прямой жесткой челкой, большими серыми глазами и тоненькими ручками и ножками.

Этот мальчик ничего не забыл, ни единого варианта. Он знал жизнь почти на полвека вперед.

Я оказался в семьдесят втором году, в декабре месяце. Была середина дня. Я лежал в кроватке в детском саду, видимо отдыхая после обеда. Вокруг меня лежали современники.

Сначала я осторожно рассмотрел свои ручки и ножки, пытаясь к ним привыкнуть. Они были нежными и слабенькими. Я чуть не расплакался от жалости к себе, и мне стало страшно: что смогу сделать я в этом пространстве, обладая столь

слабым телом, лишенный спасительных часов?..

Но раздумывать было некогда. В спальню вошла воспитательница Виолетта Михайловна, которую я смутно помнил взрослой высокой тетей с громким голосом. На самом деле она оказалась молоденькой девушкой, которая годилась бы мне в дочери и могла быть подругой Даши, находись мы в предыдущем пространстве. И росту она была невеликого, и голосок у нее был негрозен.

— Дети, пора вставать, — сказала она, проходя между кроватей.

Я откинул одеяло, нашел свою одежду и со смешанным чувством стыда и изумления стал натягивать детские колготки.

— Сережа, тебе помочь? — спросила воспитательница.

— Благодарю. Я сам в состоянии, — ответил я.

Она удивленно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Дальнейшие события показали, что в этом пространстве мне нужно быть весьма осторожным, чтобы сохранить в целости психику окружающих. Уже после полдника на занятиях по лепке из пластилина, что мне было как-то неинтересно, я отвлекся и, найдя на столике Виолетты Михай-

ловны газету «Комсомольская правда», углубился в нее. Мне хотелось узнать, что происходит в мире, точнее, что происходило в мире в период моего раннего детства. Просматривая хронику международных событий, я почувствовал, что кто-то смотрит на меня. Я поднял глаза. Виолетта Михайловна стояла рядом, глядя на меня с неподдельным ужасом.

— Сережа, что ты делаешь?

— Читаю, — сказал я. — Разве не видно?

— Ты умеешь читать? — растерянно спросила она. — Мы же прошли всего три буквы…

— Мне достаточно, — ответил я и снова углубился в чтение.

— Ах ты, проказник! Ты разыгрываешь меня! — рассмеялась она, давая мне легкого шлепка по задней части. — Иди лепи зайчика.

— Виолетта Михайловна, вы позволите мне не лепить зайчика? — вежливо спросил я. — Меня больше интересуют ближневосточные проблемы.

У нее остановились глаза, а затем она вихрем вылетела из комнаты. По коридору застучали ее каблучки.

«Видимо, побежала к заведующей», — подумал я, свертывая газету. Когда Виолетта Михайловна

вернулась с нашей пожилой заведующей, я уже мирно лепил зайчика, общаясь со своими сверстниками по пространству.

— А мой зайчик лучше! — сказала моя соседка, белокурая толстая девочка с бантом.

— Я бы не сказал, — пожал я плечами.

Воспитательница и заведующая смотрели на меня во все глаза.

— Лучше! Лучше! — выкрикнула подружка и смяла моего зайчика. Я понял, что если сейчас иронически усмехнусь и проявлю рыцарскую сдержанность, то меня тут же уведут на обследование к детскому невропатологу. Поэтому я, переживая внутренний стыд, ибо был человеком воспитанным, вцепился ей в бант, крича:

— Мой зайчик лучше! Мой! Зачем ты испортила моего зайчика?!

Заведующая и Виолетта Михайловна облегченно вздохнули, оттащили меня от приятельницы и поставили в угол. Там у меня было время обдумать стратегию поведения в этом пространстве.

Необходимо было снова стать ребенком, иначе хлопот не оберешься. С другой стороны, поддерживать искренние контакты со сверстниками — это значит обречь себя на духовный голод. Два года лепить зайчиков, а потом идти в первый

класс?.. Утомительно.

Трудно, практически невозможно не обнаружить своего интеллекта, обладая им. Впрочем, справедливо и обратное.

Я весь извелся, ожидая, пока мама заберет меня из садика. Я очень волновался. Несмотря на то что мы расстались с мамой несколько часов назад, я почти физически ощущал пропасть в сорок лет, через которую я перелетел. Какой я встречу маму? Узнаю ли я ее?..

На музыкальном занятии разучивали песню «Пусть всегда будет солнце». Текст я прекрасно помнил, поэтому исполнил песню первым, заслужив поощрение воспитательницы. Когда пел «Пусть всегда будет мама», на глаза навернулись слезы. Проклятая старческая сентиментальность! Мои одногруппники повторили припев нестройным хором и без всякого чувства. Они еще не знали, что мама — это не навсегда. Я испытывал жалость к этим детишкам и одновременно завидовал им.

Однако вместо мамы прибежал отец. Он был худ и чем-то озабочен. Быстро помог мне одеться, задавая дежурные вопросы: «Чем кормили?», «Какие буквы учили?».

Я смотрел на него с печалью, вспоминая по-

минки. Как скоротечна жизнь!

Он воспринял это по-своему, сказал:

— Ты какой-то смурной сегодня…

В сущности, он еще ничего не знал о жизни.

По пути домой отец заскочил в телефонную будку и долго говорил с какой-то Люсенькой, в чем-то оправдываясь перед нею и скашивая глаза на меня. Потом мы пошли в магазин и купили гирлянду на новогоднюю елку. «Купи ружье», — попросил я отца. «Денег нет», — сердито отрезал он. «А когда будут?» — поинтересовался я. «Отстань. Никогда», — мрачно пошутил он. Если бы ему сказать, что через десять лет он будет привозить из командировок джинсы и видеомагнитофоны, он бы не поверил.

Мама встретила нас как-то буднично и хмуро. А у меня опять из глаз покатились слезы. Как молода и хороша была мама! Как испуганно-ласково склонилась ко мне она, увидев, что я плачу! Я обнял ее и уткнулся в теплую грудь. Она гладила меня и целовала.

— Что случилось, Сережа? — шептала она.

— Случилась жизнь, — прошептал я.

— Что? Что? — не поняла она. И вдруг заплакала тоже.

Причину маминых слез я разгадал быстро.

Достаточно было недели, чтобы понять, что счастье нашей семьи висит на волоске. Внешне все обстояло благопристойно, но внутри зрел конфликт, причиной которого, как я понял, была некая Люся.

Моя мама — максималистка, как я уже упоминал. Характер ее в молодости оказался таким же, как и в зрелом возрасте, если не тверже. По намекам и недомолвкам родителей я установил, что отец влюбился в машинистку редакции, где он работал, и теперь мучается, не зная, что делать. Мать, кажется, не собиралась его прощать, машинистке же было лестно, что за ней ухаживает начальник отдела молодежной газеты. Дело шло к развязке. Мама, как видно, надеялась, что анонимный звонок, благодаря которому она обо всем узнала, — злостная сплетня. Отец старался ее в этом убедить, он лгал и изворачивался так, что мне было стыдно за него, но в семье становилось все сумрачнее.

Моя старшая сестра ничего не замечала. Поразительная ненаблюдательность! Впрочем, она только что научилась складывать и вычитать и ужасно задавалась передо мною. Как-то за ужином она спросила:

— А сколько будет пять плюс три? Вот и не

знаешь!

— Восемь, к твоему сведению, — сказал я.

— А трижды пять?

Она чуть не подавилась.

— Сколько же будет трижды пять? — заинтересовался папа.

— Пятнадцать, — пожал плечами я.

— А… четырежды пять?

— Двадцать.

— А семью… восемь! — округлив глаза, спросила мама.

— Пятьдесят шесть, — ответил я невозмутимо.

Последовала долгая пауза. Светка обеспокоенно переводила глаза с папы на маму. Отец взял меня за руку и увел из-за стола в комнату. Там он прогонял меня по всей таблице умножения.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он наконец.

— На Светкиной тетрадке написано. Сзади, — сказал я.

Папа проверил. Действительно, на последней странице обложки Светкиной тетради была напечатана таблица умножения.

Папа хмыкнул.

— Слушай, может быть, ты вундеркинд? — спросил он.

— Вполне возможно, — ответил я.

Мы вернулись к столу. Конец ужина прошел в приподнятой обстановке. Родители поминутно проверяли таблицу умножения, подозревая какой-нибудь фокус, они смеялись и радовались. Светка на меня разозлилась.

Папа стал проявлять ко мне внимание. Выяснив, что я внезапно научился читать и считать, он подсунул мне шахматный учебник. Через четыре дня я обыграл папу в шахматы, поскольку и раньше, в прошлых жизнях, его обыгрывал, когда он появлялся дома. Папа переключил на меня все свои силы и, по-моему, стал забывать о своей машинистке. Но она его не забывала.

Однажды в воскресенье мы с папой отправились в зоопарк. Папа шел с гордым видом, как бы говоря встречным: «Мой сын — вундеркинд!» У входа в зоопарк нас поджидала красивая молодая женщина с пухлыми губами. Она чем-то напомнила мне мою жену Татьяну. Увидев ее, отец растерялся.

— Здравствуйте, Дмитрий Родионович, — сказала она надменно.

— Почему ты… Почему вы здесь? — спросил отец.

— Вы сами говорили, что в воскресенье пойдете

с сыном в зоопарк. Вы же теперь у нас любящий отец, — проговорила она с большим подтекстом.

— Познакомься, Сережа. Это Людмила Петровна… — Отец засуетился.

Людмила Петровна, не глядя, сунула мне ладошку. Я ее не заинтересовал. Мы пошли в зимние помещения зоопарка и пробежались вдоль клеток. Отец нервничал, потому спешил. Людмила Петровна хранила молчание.

— Пойдемте посидим в мороженице, — сказал отец, когда мы вышли. При этом он заискивающе посмотрел на машинистку. Она равнодушно пожала плечами. Мне стало жаль отца. Я понял, что он по неопытности влип в эту историю и теперь не знает, как из нее выпутаться.

В мороженице мы с Людмилой Петровной сели за столик, а отец встал в очередь за мороженым. Глядя в упор на Людмилу Петровну, я холодно произнес:

— Людмила Петровна, разве вам не известно, что у отца семья? У него жена и двое детей. Как расценивать в этом случае ваше поведение?

— Как? Как ты сказал? — До нее не дошло.

— Как вы слышали, — продолжал я. — Не надо говорить мне про любовь. То, что происходит, не имеет к ней ни малейшего отношения. Вы

пользуетесь служебным положением Дмитрия Родионовича. Наверняка он раньше отпускает вас с работы и делает вид, что не замечает, когда вы вместо редакционных рукописей перепечатываете гороскопы. Разве я не прав?

Людмила Петровна стала медленно сползать со стула.

— Я прошу вас оставить отца в покое. Иначе я приму меры, — строго закончил я.

— Ме… ты… при… что? — залепетала она.

Вернулся отец с мороженым и двумя чашечками кофе. Людмила Петровна, покрывшись пятнами, вскочила со стула и пулей вылетела из мороженицы.

— Что случилось? Что ты сказал тете? — ошеломленно спросил отец.

— Я сказал тете, что у нее вся спина белая! — закричал я своим звонким детским голоском.

Публика вокруг заулыбалась. Отец опустился на стул и выпил одну за другой обе чашечки кофе.

— А может, оно и к лучшему… — прошептал он.

Таким образом, мне удалось отшить Людмилу Петровну. Как я вскоре узнал, она уволилась из редакции. Но это был лишь первый шаг к вос-

становлению мира и любви в нашей семье. Я никогда не предполагал, какой это кропотливый и длительный процесс. Мне приходилось думать за двух взрослых людей сразу и еще за свою малолетнюю сестру. Но я отдался этому целиком. Тут важна каждая мелочь. О них так часто забывают в суете будней, думая, что сойдет и так. Но я уже знал по будущему опыту, что не сойдет. Я проводил тонкую воспитательную работу. Я понял, что мои родители, вступив в брак молодыми, не были подготовлены к серьезному душевному труду, каким является строительство семьи. Конечно, мне мешало то, что они принимали меня за малыша, а впрочем, в моем положении были и свои преимущества.

Мне можно было играть в непосредственность. Например, при виде красивой женщины в автобусе я невинно спрашивал папу:

— Правда, наша мама лучше?

Я говорил совершенно искренно. Отец соглашался, сначала неуверенно, но потом со все б**о**льшим энтузиазмом. Или я предлагал:

— Давай купим маме игрушку!

— Лучше цветы, — говорил папа, а мне только того и нужно было. Мы покупали букетик астр или мимозы, когда наступила весна, и шли домой

с чувством, будто сделали что-то хорошее. Мама постепенно оттаивала после истории с машинисткой. Поначалу ей казалось, что отец просто хочет загладить вину, но потом она поняла, что он не хитрит. Любовь нуждается в подтверждении со стороны. Отец находил подтверждение любви у меня — смешно сказать! — пятилетнего мальчика. Я не знаю, для кого он больше старался, — для мамы или для меня. Впрочем, это все равно. Мы были одной семьей, и любовь у нас была общая, как и должно быть в семье.

Воспитательная работа с мамой складывалась труднее. Необходимо было пользоваться более тонкими методами. Я не боялся сфальшивить, ибо делал это, повинуясь той же любви. Впервые за всю жизнь я стал ощущать тепло своих близких, потому что сам стал отдавать им его. Изо всех своих слабеньких сил я старался помогать маме. Я видел ее старой и немощной — там, впереди, потому мне было легко и просто. И я не уставал говорить ей о том, какой у меня умный, красивый и самый лучший на свете папа.

Родители стали жить так, будто боялись расплескать вазу с водой. В доме поселилась чуткая тишина, которая временами взрывалась нашим смехом. Нам стало интересно друг с другом. Перед

сном мама и папа желали мне спокойной ночи, и я, лежа в темноте, долго слушал их голоса на кухне. Слов я не разбирал, слышал только интонацию. Так разговаривают внимательные друг к другу люди.

У меня было странное состояние: я чувствовал себя ангелом-хранителем нашей семьи и одновременно семья надежно охраняла меня от невзгод. В прошлом детстве я не испытывал такого чувства, я помню точно. И в то же время не покидало ощущение хрупкости этого счастья, его недолговечности. Я часто плакал по вечерам в темной комнате, зарывшись в подушку. Мне не хотелось становиться взрослым. Взрослым я уже был.

Вскоре я понял, что мама тоже испытывает ощущение хрупкости. Однажды вечером мы остались с нею вдвоем. Папа со Светкой отправились проведать деда в день Советской Армии и Флота, а у меня была ангина. Я лежал с горящими гландами, и мама поила меня чаем с малиной. Она отставила чашку и вдруг прижалась губами к моей пылающей щеке, крепко обняв. Я почувствовал, что мама дрожит.

— Что с тобой, мама? — спросил я.

— Я боюсь за тебя, боюсь… — повторяла она.

— Я скоро поправлюсь, вот увидишь..

— Я не о том, мой мальчик. Ты еще не можешь понять. Я боюсь за тебя вообще. Ты слишком добр.

— Разве можно быть слишком добрым? — спросил я.

— Вот именно, что нельзя. На свете много злого, ты еще узнаешь… Ты беззащитен, потому что добр.

— А разве доброта — это не лучшая защита?

Мама отодвинулась от меня и печально покачала головой:

— Откуда ты такой? Никогда не думала, что сын у меня будет вундеркиндом. Порой мне кажется, что ты все понимаешь…

— Это так и есть, — кивнул я.

— Сынок, не пугай меня. Ты стал каким-то маленьким старичком. Ну, покапризничай, что ли…

— Не бойся, мама, — сказал я. — Я не вундеркинд. Никаких вундеркиндов нет. Просто некоторые дети уже были взрослыми, а их называют вундеркиндами. Они были обыкновенными взрослыми и снова станут ими, когда вырастут.

— Какой сильный у тебя жар, — сказала мама, прикладывая ладонь к моему лбу. — Ты не бре-

дишь, малыш?

— Бредю, — сказал я.

Я поневоле становился центром семьи. Даже Светка, поревновав немного, уверилась в моей гениальности и стала относиться с почтением. Как неотразимо действует гениальность, даже мнимая! Отец, питавший в юности честолюбивые надежды, давно понял, что он — обыкновенный человек не без способностей, которые позволят ему достойно пройти жизненный путь. Но не более. Теперь он переложил надежды на меня и стал одновременно готовить меня к званию чемпиона мира по шахматам, а также к карьере гениального музыканта и поэта. Однажды я написал на двух страничках краткий отчет о путешествии в 2000 год. Я старался писать ученическим почерком. Это было самое трудное. Отец понес листки в редакцию, там ему не поверили. Подумали, что он написал это сам. Отец расстроился, однако это еще более укрепило его в вере. Действительно, на первый взгляд, я проявлял необыкновенные, фантастические способности. А я был просто бывшим взрослым.

Никто вокруг не понимал, что самыми необыкновенными качествами для любого возраста всегда были и будут любовь, доброта, мудрость,

а вовсе не умение извлекать звуки из скрипки, составлять фразы или передвигать деревянные фигуры.

Меня это огорчало, я старался не выделяться. Во всяком случае, решительно отказался от всех спецшкол, когда пришло время учиться. Я поступил в ту же школу, где учился когда-то сам и куда ходила моя дочь Даша. Там я снова познакомился со своими будущими друзьями — Максом, Мариной и Толиком. Они были еще совсем несмышлеными.

Огромных трудов стоило смирять свое честолюбие. Мне так легко было удивлять родных, учителей и сверстников, что это грозило превратиться в профессию. Однако я слишком хорошо знал, что плата за это в будущем — слишком высока. Природа не наделила меня особыми способностями, и по мере приближения к юности золотой запас гениальности непременно бы истаял, поскольку был лишь свалившимся с неба жизненным опытом. Я хорошо понимал, сколь велико будет разочарование близких и злорадство дальних, когда я не оправдаю надежды. Особенно волновал меня отец. Второго крушения надежд он не переживет. Необходимо было подготовить его к разочарованиям.

Подготовка к разочарованиям — непременное условие счастья. Мы так любим очаровываться собою и своим будущим, мы настолько необъективны в этом вопросе, что совершенно закономерные преграды, тупики и заминки воспринимаются как несправедливые удары судьбы. Мы слишком много хотим от жизни, забывая, что того же хотят все другие. Но у жизни ограниченный запас счастья. Не стоит стремиться к обладанию большим куском, достаточно уметь наслаждаться малым. Это так ясно становится, когда побродишь по закоулкам собственной судьбы, то и дело натыкаясь на несбывшиеся надежды и мнимые цели. Отец сказал мне:

— Сережа, ты совсем забросил шахматы. Почему?

— Мне неинтересно, — сказал я.

— Напрасно. В твои годы редко кто так играет. Ты мог бы стать гроссмейстером, когда вырастешь.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы стать потом чемпионом мира.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы быть первым в своей сфере деятельности. Чтобы тебя все знали, — сказал отец, понемногу раздражаясь.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы быть независимым! Ездить по свету! Чтобы тебя все любили! — закричал отец.

— А разве меня не любят? — спросил я.

— Кто? — опешил он.

— Ты. Мама. Светка.

— Любим, конечно… Но… этого мало.

— Мне хватит, — сказал я. — Только любите меня, как я вас. Этого хватит на всю жизнь. И еще останется.

— Нет, ты не будешь чемпионом мира, — пробормотал отец. — Ты будешь философом.

А я уже давно был философом. Каждый человек, проживший жизнь, непременно становится философом. Иначе грош ему цена.

Нет, я не претендовал на создание новых философских доктрин. Я говорю о философии в житейском смысле.

Когда спрашивают: «Как сделать так, чтобы мне было хорошо?» — это не философия, а эгоизм. Когда спрашивают: «Как сделать так, чтобы всем было хорошо?» — это тоже не философия, а альтруизм.

Философия начинается тогда, когда человек спрашивает себя: «Как примирить первое со вторым?» Ответ на этот вопрос есть, но я его еще

не знаю.

Единственное, чем я с увлечением занимался в новом детстве, была музыка. Мне купили гитару, и я стал ходить в музыкальную школу. Точнее, меня туда водили за ручку — то папа, то мама, то сестра. Я не испытывал унижения. Таковы были условия игры.

К третьему классу я уже сносно играл на гитаре и пел песенки «Битлз» на английском языке, повергая родителей в смущение. В те годы эта музыка еще не была общепризнанной среди взрослых.

В обычной школе я старался быть как все. Но у меня не получалось быть как все. Когда я пытался убедить своих будущих друзей в необходимости жизненной философии, надо мною смеялись. Уроки мне было скучно готовить, потому я иногда не знал, что мы проходим, и по ошибке обнаруживал свои знания за более старшие классы, а это воспринималось как вызов и пижонство. Я изо всех сил старался смотреть на своих сверстников как на детей. Меня стали бить.

Толпа одноклассников, среди которых были и девочки, подстерегала меня в школьном дворе после уроков. Они набрасывались на меня и били портфелями, стараясь попасть по голове. Напрас-

но я взывал к их разуму — это обходилось мне в несколько лишних ударов.

Я не отвечал им и не жаловался. Это еще больше восстанавливало их против меня.

Жизнь стала довольно невыносимой.

На ноябрьские праздники — мне тогда было уже десять лет — в Неву, как всегда, вошли военные корабли, чтобы участвовать в параде. Дед, преподававший тогда в академии, пригласил нашу семью на прогулку. Мы помчались по Неве на военном катере, оставлявшем белопенный след. Командир по-военному приветствовал деда — он был его бывшим учеником и подчиненным.

Дед сам показал нам крейсер. Здесь все было железным — палуба, пушки, трубы. Наконец мы спустились в кают-компанию, где проходил шефский концерт. Перед моряками выступали пионеры из Дворца культуры имени Ленсовета.

Внезапно дед сказал:

— Сережа, сыграй и спой тоже. Сегодня праздник.

Я понял, что он, как и отец, ревниво следит за моими успехами. Мне подали гитару, ведущий объявил мою фамилию.

— Только не пой по-английски, я тебя прошу, — напутствовал меня дед.

Я оказался на сцене. На меня смотрели матросы в бескозырках. Что же им спеть? Я взял аккорд и начал:

«Темная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают…»

Мой неокрепший голос звенел, как струна, и гитара вторила ему мягкими переборами. Я видел, как отвернулся дед и запрыгал кадык на его жилистой шее, а у молодых матросов потемнели в печали лица. Именно там, на маленькой эстраде кают-компании, я понял, что песню поют не голосом и даже не сердцем, а всею прожитой жизнью. Моя жизнь была велика и изломана мною самим, потому голос звучал мучительно-искренно, волнуя души.

На «бис» я исполнил «Миллион алых роз». После концерта матросы окружили меня, наперебой прося списать слова. И я вспомнил, что песня эта еще не родилась, она появится позже, почему и вызвала такой интерес.

Растроганный дед повез нас на машине к себе домой, на торжественный обед. По дороге он спросил:

— А что это за песенка про розы, Сережа?

— Слышал где-то, — уклончиво ответил я.

— Наша лучше, — сказал дед, имея в виду «Темную ночь».

В дедовской гостиной, столь знакомой по разным пространствам, был накрыт обеденный стол. На стене висел портрет бабушки в молодости. Мы расселись за столом в чинном молчании, и дед поднял хрустальный бокал с вином.

— Сегодня мать была бы довольна нами, — сказал он, глядя на бабушкин портрет. — В нашем доме мир и покой. Светлая ей память!

И я вдруг представил себе великое множество пространств, в каждом из которых мы жили — в одних лучше, в других хуже, — я попытался вообразить себе этот день во всех вариантах и настроениях как росток будущей жизни в каждом пространстве, ибо любой день, и даже минута, является ростком будущего. Сейчас в нашей семье царили мир и покой, что не значит, что дальше все пойдет гладко, но эту минуту, этот день запомним мы все. В сущности, наше прошлое состоит из мгновений радости и печали, стыда, восторга, унижения, любви. Сейчас было мгновение любви, которое хотелось остановить.

Я выскользнул из-за стола, шепнув маме, что забыл вымыть руки. Но в ванную я не пошел. Я повернул в дедовский кабинет. Там все было как

всегда. Этот кабинет, как и часы, был абсолютен, он не менялся в пространствах времени. Я приблизился к письменному столу. Часы лежали там же, рядом с чернильным прибором, придавленные канцелярской скрепкой. Я почувствовал волнение. Вот они, мои удивительные, соблазнительные, мучительные! Я соскучился по ним.

Я щелкнул пальцем по ободку, и часы вылетели из-под скрепки, проскользнули по зеленому сукну стола и полетели по комнате, параллельно полу. Я поймал их и нажал на кнопку замка. Крышка откинулась.

Мне безумно захотелось прыгнуть. Но куда? Зачем? Разве я не убедился уже, что кусочки судьбы не склеиваются в цельную жизнь, а ее надобно прожить без пропусков от начала до конца?

Но желание было сильнее. Я пристрастился летать в пространствах. Я стал пленником часов.

Как всегда, сознание услужливо подсунуло доводы. Целую кучу доводов. В семье установилось спокойствие, даже счастье. Мое постоянное присутствие больше не является необходимым, кроме того, его даже не заметят, ибо я оставляю в каждом пространстве своего двойника. Мне скучно и утомительно дожидаться со своими сверстниками, когда я стану совершеннолетним

и дед снова подарит мне часы. Меня колотят в школе. Разве не довод? Я хочу снова стать взрослым!

И вдруг я вспомнил про Марину. Мысль обожгла меня. Как я мог забыть, что, пока я здесь устраиваю счастье семьи, а маленькая Марина поджидает меня с товарищами в школьном дворе, чтобы стукнуть портфелем, там, в будущем, буквально прозябает наша любовь, а потом и вовсе Марина становится женою Толика?!

Хоть разорвись, ей-богу! В каждом варианте какая-нибудь неувязка, или «хвост вытащишь — грива увязнет», как говорил мне много лет вперед один старик в Тюмени, когда я поведал ему о вариантах своей судьбы.

Тем не менее решено. Я лечу туда, к краеугольному камню, к тому валуну, на котором произошло объяснение с Мариной. Там многое определилось. Тот день в комсомольско-молодежном лагере я помнил по минутам, поэтому не составило труда перевести стрелки и, вздохнув, как перед прыжком с вышки, нырнуть в свое будущее.

Мы снова лежали на валуне. Я с удовлетворением рассмотрел свое юношеское тело — будто примерял новую одежду после старой, из которой

вырос. С такими мускулами можно бороться за счастье. Лежавшая рядом Марина тоже была непохожа на голенастую девочку из третьего класса.

— Сегодня дискотека будет? — спросила она.

— Дискотека? — повторил я.

Мне дико было слышать это слово после метаний по времени.

— Ну да, дискотека, — сказала она.

— Будет, все будет, — сказал я.

Она повернулась ко мне. В ее взгляде я заметил любопытство.

— Ты какой-то не такой…

— Это правда, — кивнул я, разглядывая ее.

Я старался снова пережить то мгновенье, тот сладкий миг, когда останавливается дыхание и толчки сердца подступают к горлу. Но ничего не происходило. Передо мною была миленькая и глупенькая девочка, в которой только что, полчаса назад, пробудилось женское начало. Сейчас это начало спросонья смотрело на меня, изумляясь.

— А что там, внутри? — спросила она, дотрагиваясь пальчиком до часов, висящих у меня на шее.

Я молча откинул крышку и показал ей циферблат.

— Ого! — сказала она. — Откуда у тебя это?

— Дед подарил, — сказал я.

— Какие легкие, — удивилась она, беря часы в руку. Она наклонилась к моей груди, как тогда, и я почувствовал ее прерывистое жаркое дыхание. Она явно чего-то ждала от меня, продлевая эту паузу, а я смотрел на ее пылающую щеку и завиток волос рядом с ухом, не в силах не то чтобы поцеловать ее, а даже дотронуться. Бесконечная жалость охватила меня — жалость ко всей ее предстоящей жизни, к любовным страданиям, к мукам, с которыми она будет рожать детей; жалость к ее старости и далекой смерти.

— Пойдем? — спросил я, поднимаясь.

— Пойдем, — тряхнула она головой.

И все. И никакого леса, пахнущего дыней, никакой кукушки, обещающей нам годы счастья. Ничего этого не было в этом пространстве, потому что я знал и чувствовал слишком много для своих номинальных шестнадцати лет.

Клянусь, я любил ее по-прежнему, но между нами лежала пропасть моего опыта, которую было не перескочить. Чувство, испытанное мною, скорее было похоже на то, что я испытал в Тюмени, встретившись с Дашей.

И вот тут я окончательно понял, что первая

любовь бывает один раз, сколько бы ни прыгать по пространствам.

Короче говоря, и здесь у меня не получилось стать эгоистом; я снова выбрал альтруизм. Всякий пошатавшийся по времени поневоле становится альтруистом.

Вечером была дискотека. Я танцевал с недоумением, неубедительно. Я уже не находил в этом никакого смысла. Медленные танцы мы танцевали с Мариной, причем я ощущал, что она в моей власти, что она ждет от меня действий. Но я оставался корректен и предупредителен, как старый аристократ, танцующий со своей шестнадцатилетней дочерью. Толик вертелся рядом, бросая на нас горячие взгляды.

— Мартын, я Максу скажу, что ты Маринку заклеил, — сказал он, улучив момент.

Я ударил его по лицу. Было гадкое чувство, что я, взрослый человек, бью сопливого щенка. С другой стороны, этот щенок был выше и сильнее меня. Завязалась драка.

Нас пробовали растащить, но Марина вдруг крикнула:

— Не надо! Отойдите от них.

Наши образовали ринг, следя за честностью поединка, а мы с Толиком остервенело бились

в нем, как молодые петушки. Впрочем, я был старым петушком.

Я бил его за прошлое, когда он трусливо прятался в толпе, поджидавшей меня для расправы, и за будущее, когда он стал мужем Марины. Выяснилось, что убежденность и духовный опыт значат больше, чем грубая сила. Я побил Толика, к удивлению одноклассников.

— Ладно, Мартын! Еще посчитаемся! — прохрипел он, стирая с губы кровь.

Я не стал ему говорить, что он однажды уже посчитался со мною в будущем.

Марина спросила, врачуя мои раны после драки:

— Сережа, ты из-за меня дрался?

— Вот еще! Из-за Максима, — буркнул я.

Кажется, она разочаровалась.

А потом я потратил весь десятый класс, чтобы помирить их с Максом, снова подружить и поддерживать дружбу. Я выращивал их любовь с такой заботливостью, будто они и вправду были моими детьми. Впрочем, я старался и для себя. Я знал, что нам легче будет идти по жизни вместе и что мы никогда не предадим друг друга. А Толик? Мне было его не жалко.

И вот сегодня на календаре — июль 1985 года.

Марина с Максом готовятся поступать на филфак. Наверное, Макс на этот раз поступит. Толик идет в институт советской торговли. Светка уже давно родила племянника Никиту, теперь мне предстоит его воспитывать, потому что я один знаю, в кого он может превратиться. Да и о Петечке надо подумать, чтобы не погряз во всякого рода сомнительных делах.

Мать с отцом на этот раз живут хорошо и дружно. И самое главное, в этом варианте дед не умер, живет, пишет свои мемуары, которые я уже читал. Но что делать мне? Это вопрос вопросов.

У меня есть моя гитара и жизненный опыт всех вариантов, которого нет ни у кого. Чтобы спеть обо всем, что я знаю, не хватит всей новой жизни, которая дана мне теперь как бы в подарок, как добавочное время в футболе, когда в основное время результат не определился. Я перебираю струны, обозреваю варианты судьбы и всех своих двойников, находящихся в разных пространствах. Художнику должны открываться все горизонты жизни одновременно. Я хочу стать художником, хотя понимаю, что одного жизненного опыта, пускай даже причудливого, недостаточно. В сущности, человеку нужна всего одна жизнь, других не надо. Можно все успеть,

если распорядиться ею разумно. Потому мне вряд ли снова понадобятся часы. У меня есть мысль — закончив эти записки, пустить часы из окна, с девятого этажа нашего дома, чтобы они плыли над Землей в далекие края и дальние страны, руководимые ветрами и бурями над планетой, пока не попадут в руки кому-нибудь, кто еще раз попытается найти с помощью них свое счастье.

Может быть, ему повезет больше.

1984